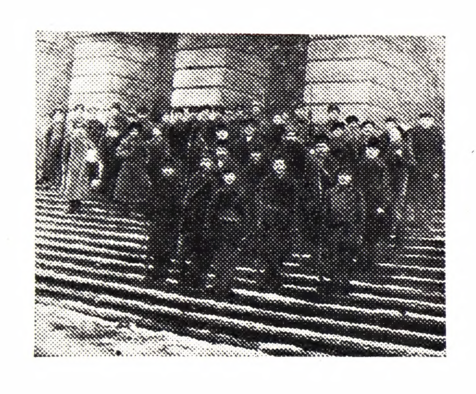
БИБЛИОТЕКА

№ 42 1987

ISSN 0132-2095

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

ОЧЕРКИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 42

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

В настоящий сборник вошли очерки Бориса Итенберга «Александр Ульянов», Михаила Булгакова «Часы жизни и смерти», Осипа Мандельштама «Прибой у гроба», Дмитрия Фурманова «Чапаев», Николая Быкова «По праву памяти», Василия Поликарпова «Федор Раскольников», Зиновия Шейниса «Новые страницы из жизни Коллонтай», Ильи Мазурука «Штурм Северного полюса: как это было», опубликованные к 70-летию Великого Октября на страницах журнала «Огонек» в первой половине нынешнего года — под рубрикой «1917—1987».

На обложке: Красная гвардия Путиловского завода.

Борис ИТЕНБЕРГ,
доктор исторических наук

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ

Петербург, 18 апреля 1887 года. Четвертый день заседает Особое присутствие правительствующего Сената. Судят участников покушения на царя Александра III. Последнее слово дали Александру Ульянову: «Я могу отнести к своей ранней молодости то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы».

Нет, не о снисхождении просил подсудимый, не сожалел о совершенном, а объяснял суду причины своего поступка, рассказал о своем пути в революцию. Это было осознанное и обоснованное решение.

Александр Ульянов, которому исполнился двадцать один год, вспомнил о «своей ранней молодости» — времени, когда у него началось пробуждение чувства недовольства. Это произошло еще в гимназические годы.

«Чтобы быть полезным обществу,— писал Александр в своем школьном сочинении,— человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела». Так у юноши формируется жизненная задача — трудолюбие и знание. Но это еще не все. Читаем дальше: «Человек должен настолько приучиться к настойчивому труду, чтобы не останавливаться ни перед какими труд-

ностями и препятствиями... для этого он должен уметь управлять своей волей и выработать в себе твердый и непоколебимый характер».

В мае 1883 года Александр Ильич блестяще сдал экзамены за гимназический курс и был награжден золотой медалью. Илья Николаевич и Мария Александровна, боясь далеко отпускать сына, уговаривали его ехать в ближайший университетский город — Казань, но Александр настоял на своем — поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

Научные способности Ульянова были замечены. Между крупнейшим химиком академиком А. М. Бутлеровым и профессором зоологии Н. П. Вагнером возник даже спор: по чьей специальности должен пойти Александр Ульянов — каждому хотелось привлечь талантливого студента. Этот спор решил сам Александр Ильич, выбрав предметом своей научной деятельности зоологию беспозвоночных; за одну из работ в этой области он получает золотую медаль. Однако не наука стала главным делом жизни Александра Ульянова. Его влечет революционная борьба. Он изучает труды Маркса, Плеханова. В декабре 1886 года юноша становится членом революционной нелегальной организации, продолжающей тактику «Народной воли».

В конце декабря, собравшись на квартире Ульянова, студенты-революционеры составляют программу организации. «По основным своим убеждениям мы — социалисты» — так начиналась эта программа. Далее в ней утверждалось: «К социалистическому строю каждая страна приходит неизбежно; естественным ходом своего экономического развития, он является таким же необходимым результатом капиталистического производства и порождаемого им отношения классов, насколько неизбежно развитие капитализма...» Программа требовала национализации земли и фабрик, народного представительства, местного самоуправления, свободы совести, слова, печати, собраний. Борьбу за политические права путем террористических действий должна была возглавить интеллигенция.

К концу января 1887 года план покушения на императора приобрел конкретные очертания: налажено наблюдение за выездом из дворца Александра III, сформирована боевая группа. Руководство взял на себя А. И. Ульянов.

Когда на суде Александра Ульянова спросили, почему он не бежал за границу, последовал ответ: «Я не хотел бежать, я хотел лучше умереть за свою родину».

...Покушение на Александра III не удалось: 1 марта на Невском проспекте схвачены были полицией участники боевой группы. Арестовали и Александра Ильича.

Немедленно назначили дознание, за которым пристально следил император. Ульянов признал себя виновным в том, что принимал участие в замысле лишить жизни «государя императора».

15 апреля Александр Ульянов вместе с другими обвиняемыми предстал перед судом. Позже, отказавшись от защитника, он произнес свое последнее слово: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

Приговор суда, оглашенный 19 апреля, был суров: подсудимые приговаривались к смертной казни через повешение.

После приговора Мария Александровна, добившись свидания с сыном, просила его подать прошение о помиловании. «Не могу я сделать этого после всего, что я признал на суде, ведь это было бы неискренне»,— ответил Александр. Тогда на свидание к Ульянову пришел дальний родственник, петербургский литератор М. Л. Песковский, сказавший, что он опасается за жизнь Марии Александровны, что только прошение о помиловании может спасти положение.

Что делать? Александр пережил мучительные часы. Мысль, что он станет причиной гибели матери и несчастья всей семьи, не давала ему покоя. После тяжелых переживаний Ульянов был вынужден обратиться к царю. Но это было необычное прошение, продиктованное мучительным сознанием, что он явится причиной несчастья всей семьи. Прошение скорее за мать и своих близких, чем за себя, ибо... «свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к вашему величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи».

Так неверноподданно на «высочайшее имя» не писали. Прошение даже не было показано царю. Недаром А. И. Ульянова-Елизарова отмечала, что ее брат написал не прошение, а, «вернее, письменное обращение к царю, так как форма его совершенно необычная для прошений такого рода. В нем нет раскаяния, униженной просьбы, обещаний, ничего верноподданнического — даже в подписи, никакой лжи».

...В ночь с 4 на 5 мая 1887 года от причала Петропавловской крепости отплыл небольшой пароход с пятью закованными в кандалы заключенными — А. И. Ульяновым, П. Я. Шевыревым, В. С. Осипановым, В. Д. Генераловым и П. И. Андреюшкиным. Пароход плыл по Неве к Шлиссельбургской крепости. Тут и казнили на рассвете 8 мая по старому стилю Александра Ульянова и его товарищей.

...Не так давно в Амстердаме опубликованы новые материалы, связанные с Александром Ульяновым.

Еще до попытки покушения на царя одному из членов группы, О. М. Говорухину, угрожал арест. Пришлось решиться на эмиграцию, но не было средств. Тогда Александр Ильич заложил свою золотую медаль и полученные сто рублей отдал товарищу, путь которого лежал в Швейцарию. Прибыв в Цюрих, Говорухин отправил подробное пись-

мо в Париж — русским эмигрантам. В нем он рассказал о составе группы, о ее программе, о характере революционной деятельности и истории покушения.

Особую для нас ценность представляет характеристика Александра Ульянова: «Благородный, в высшей степени гуманный человек, любящая натура. Он долго колебался вступить в ряды революционеров-практиков: нравственно ли будет вступать в практику, не решивши вполне научно всех вопросов,— говаривал он. Но вопрос: а нравственно ли будет спокойно — теоретически рассуждать о вопросах, когда деспотизм не дает даже возможности удовлетворительно — научно решить вопросы эти — сразил его...» Продолжим эту цитату: «Симпатичная натура, ясный ум, сравнительно высокий уровень развития и знаний, разительная логичность — такие качества сразу выдвинули его в числе прочих членов, хотя он вступил в практическую деятельность только скоро после 17 ноября 1886. Ему поручались дела первостепенно важные, и он всегда преодолевал все трудности. При всей мягкости и деликатности натуры он обладал очень сильным характером, настойчивостью, терпением. Малый рост, небольшая вообще фигура, кроткий, добродушный вид, тихий голос, всегда спокойный, но печальный, грустный — и что же русские условия сделали? — Они сделали такого человека террористом: при отчаянно варварских условиях принуждены люди, даже по натуре не склонные к этому, прибегать к отчаянным средствам для достижения целей».

Приводим свидетельство другого современника, раскрывающее научные способности Ульянова. «Необыкновенно способный и талантливый юноша, страстно, всецело отдающийся всякому делу,— вспоминал студент-естественник Н. А. Рудевич,— принялся за изучение естествознания. Знание иностранных языков: французского, немецкого и английского — открывало ему огромную литературу по этому предмету... Ульянов решил избрать своею специальностью зоологию, думая остаться при университете и посвятить себя ученой деятельности». Указав на получение Александром золотой медали, Рудевич далее свидетельствовал: «...Ульянов подавал очень большие надежды сделаться видным русским ученым. Роковая судьба судила иначе».

Жанр очерка свел М. Булгакова и О. Мандельштама на страницах московских газет в тот страшный морозный январь 1924 года, когда вся Москва, страна и все прогрессивные люди прощались с великим вождем мирового пролетариата. Траурные дни похорон Владимира Ильича Ленина мобилизовали и всколыхнули всех, его смерть, по словам Маяковского, «стала величайшим коммунистом-организатором». И М. Булгаков, работавший тогда в «Гудке», и О. Мандельштам, писавший автобиографическую прозу, не смогли остаться в стороне.

Оба очерка адресовались рабочему читателю, железнодорожникам, водникам, и этим в основном объясняется такой стиль журналистского репортажа «с натуры», с места событий. В корреспонденциях чувствуется живое дыхание событий, настоящее непосредственное горе тех скорбных пяти ночей и дней прощания с вождем. Так впечатления этих трагических часов вылились в трепетный и волнующий рассказ потрясенного печальными событиями очевидца, частицы народной массы, идущей по зову сердца в последний раз поклониться Ильичу.

Михаил БУЛГАКОВ

ЧАСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

[С натуры]

В Доме союзов, в Колонном зале — гроб с телом Ильича. Круглые сутки — день и ночь — на площади огромные толпы людей, которые, строясь в ряды, бесконечными лентами, теряющимися в соседних улицах и переулках, вливаются в Колонный зал. Это рабочая Москва идет поклониться праху Великого Ильича.

Стрела на огненных часах дрогнула и стала на пяти. Потом неуклонно пошла дальше, потому что часы никогда не останавливаются. Как всегда, с пяти начали садиться на Москву сумерки. Мороз лютый. На площадь к белому дому стал входить эскадрон.

— Эй, эгей, со стрелки, со стрелки!

Стрелочник вертелся на перекрестке со своей вечной штангой в руках, в боярской шубе, с серебряными усами. Трамваи со скрежетом ломились в толпу. Машины зажгли фонари и выли.

— Эй, берегись!!!

Эскадрон вошел с хрустом. Шлемы были наглухо застегнуты, а лошади одеты инеем. В морозном дыму завертелись огни, трамвайные стекла. На линии из земли родилась мгновенно черная очередь. Люди бежали, бежали в разные концы, но увидели всадников, поняли, что сейчас пустят. Раз, два, три... сто, тысяча!..

— Со стрелки-то уйдите!

— Трамвай!! Берегись! Машина — стрелой — берегись!

— К порядочку, товарищи, к порядочку. Эй, куда?

— Братики, христа ради, поставьте в очередь проститься. Проститься!

— Опоздала, тетка. Тет-ка! Ку-да-а?

— В очередь! В очередь!

— Батюшки, по Дмитровке-то хвост ушел!

— Куда ж деться-то мне, головушке горькой? Сквозь землю, што ль, провалиться?

Запрыгал салоп, заметался, а кони милицейские гигантские так и лезут. Куда ж бедной бабе деваться. Провались, баба... Кэпи красные, кони танцуют. Змеей, тысячей звеньев идет хвост к Параскеве Пятнице, молчит, но идет, идет! Ах, быстро попадем!

— Голубчики, никого не пущайте без очереди!

— Порядочек, граждане.

— Все помрем...

— Думай мозгом, что говоришь. Ты помер, скажем, к примеру, какая разница. Какая разница, ответь мне, гражданин?

— Не обижайте!

— Не обижаю, а внушить хочу. Помер великий человек, поэтому помолчи. Помолчи минутку, сообрази в голове происшедшее.

— Куды?! Эгей-й!! Эй! Эй!

— Рота, стой!!

Ближе, ближе, ближе. Хруст, хруст. Стоп. Хруст... Хруст... Стоп... Двери. Голубчики родные, река течет!

— По три в ряд, товарищи.

— Вверх! Вверх!

— Огней, огней-то!

Караулы каменные вдоль стен. Стены белые, на стенах огни кустами. Родилась на стрелке Охотного река и течет, попирая красный ковер.

— Тише ты. Тш...

— Шапки сняли, идут? Нет, не идут, не идут, не идут.

Это не идут, братишки, а плывет река в миллион. На ковре ложится снег.

И в море белого света протекает река.

* * *

Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно. Он мертвый. Серый пиджак на нем, на сером красное пятно — орден Знамени. Знамена на стенах белого зала в шашку — черные, красные, черные, красные. Гигантский орден — сияющая розетка в кустах огня, а в сердце ее лежит на постаменте обреченный смертью на вечное молчание человек.

Как словом своим на слова и дела подвинул бессмертные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караулы и реку идущих на последнее прощание людей.

Молчит караул, приставив винтовки к ноге, и молча течет река.

Все ясно. К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда.

* * *

Уходит, уходит река. Белые залы, красный ковер, огни. Стоят красноармейцы, смотрят сурово.

— Лиза, не плачь. Не плачь... Лиза...

— Воды, воды дайте ей!

— Санитара, пропустите, товарищи!

Мороз. Мороз. Накройтесь, накройтесь, братишки. На дворе лютый мороз.

— Батюшки! Откуда ж зайтить-то?!

— Нельзя здесь!

— Порядочек, граждане!

— Только выход. Только выход.

— Товарищ дорогой, да ведь миллион стоит на Дмитровке! Не дождусь я, замерзну. Пустите? А?

— Не могу, очередь!

Огни из машины на ходу бьют взрывами. Ударят в лицо — погаснет.

— Эй! Эгей! Берегись! Берегись! Машина раздавит. Берегись!

Горят огненные часы.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

ПРИБОЙ У ГРОБА

Необычна Москва в эти ночи. Морозный хруст шагов по завьюженным улицам. Тысячи шагов. Идут кучками: терпеливые пешеходы с Замоскворечья, с Плющихи, с Таганки...

Чем ближе к сердцу Москвы, к ночному гробу, тем громче шорох, и темные тени пешеходов сливаются в сплошной движущийся лес.

Университет на Моховой гудит, как пчельник глухой ночью. Колонны выстроились. Узкая горбатая Тверская запружена неподвижной толпой. Снега розовеют от костров. С трудом движутся всадники в черном человеческом потоке.

Двери аптеки распахиваются: малиновая аптека пышет паром, там яблоку негде упасть — отогреваются...

Революция, ты сжилась с очередями. Ты мучилась и корчилась в очередях и в 19-м, и в 20-м; вот самая великая твоя очередь, вот последняя твоя очередь к ночному солнцу, к ночному гробу...

Мертвый Ленин в Москве! Как не почувствовать Москвы в эти минуты! Кому не хочется увидеть дорогое лицо, лицо самой России?

Который час? Два, три, четыре? Сколько простоим? Никто не знает. Счет времени потерян. Стоим в чудном ночном человеческом лесу. И с нами тысячи детей.

Высокое белое здание расплавлено электрическим светом. Три черных ленты спадают к ногам толпы. Там, в электрическом пожаре, окруженный елками, омываемый вечно свежими волнами толпы, лежит он, перегоревший, чей лоб был воспален еще три дня назад...

Сколько жизней вокруг него, который так любил жизнь суровой любовью, взыскательной любовью.

Перебегают к костру. Горький дым ест глаза. Какой-то художник сует к костру замерзшие краски, оттаивает кисти; шарахаются людские ряды от автомобилей и коней.

Чем ближе, тем плотнее жмутся люди:

— По трое, по трое в ряд!

Шутка ли в этой тьме запомнить свое место! Но перекличкой, на голос находят своих.

На полотнище над крышей театра неровным почерком вспыхивают ночные телеграммы. Снуют продавцы папирос. Нет, нет, да и прорвется детский смех. Дети — всегда дети: даже в чехарду играют.

Но мелочи жизни не оскорбляют величия минуты.

Ленин любил жизнь, любил детей.

И мертвый — он самый живой, омытый жизнью, жизнью остудивший свой воспаленный лоб.

Очерк Дмитрия Фурманова «Чапаев» был впервые опубликован в журнале «Огонек» № 16, 1923 год. Написанный по горячим следам событий, этот очерк зримо и многогранно раскрывает и образ легендарного героя гражданской войны, талантливейшего полководца из народа.

Дмитрий ФУРМАНОВ

ЧАПАЕВ

Раннею весной 1919 г. Колчак устремился к Волге.

По всей линии, от Перми до Оренбурга, на огромном пространстве отступали красные войска. Положение было грозное, поговаривали о том, что, пожалуй, придется уйти за Волгу.

В эти дни у нас, в Иваново-Вознесенске, Фрунзе спешно формировал добровольческий рабочий отряд, собранный почти сплошь из коммунистов. Будучи назначен командовать IV армией, сам он выехал раньше, а мы, отрядом, добрались до Самары только в половине февраля. Отряд наш вскоре был развернут в полк и включен своевременно в 25-ю Чапаевскую дивизию.

Еще в дороге, в случайных разговорах, мы не раз услышали про Чапаева — грозу уральских казаков, непобедимого, отважного командира красных войск. Про него рассказывали настоящие легенды, имя его произносилось не иначе, как связанное с какими-нибудь героическими, полусказочными подвигами.

И вдруг — такая радость: меня назначают комиссаром отдельной бригады в Александров-Гай, а командовать этой бригадою будет... Чапаев! Он приедет туда вслед за мной... Можно представить, с каким нетерпением ожидал я первую встречу!

Мартовским ранним утром, часов в 5—6, ко мне постучали. Выхожу:

— Я Чапаев, здравствуйте!

Передо мною стоял обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо, небольшой силы, с тонкими, почти женскими руками. Жидкие, темно-русые волосы прилипли ко лбу; короткий, нервный, тонкий нос, тонкие брови в цепочку, тонкие губы, блестящие чистые зубы, бритый подбородок, пышные фельдфебельские усы. Глаза... Светло-синие, почти зеленые — быстрые, умные, немигающие. Лицо матово-чистое, свежее.

Скоро шумною ватагой ввалились приехавшие с ним ребята: закидали все углы вещами, на столы, на стулья, на подоконники побросали шапки, перчатки, ремни, разложили револьверы, некоторые сняли бутылочные белые бомбы и небрежно сунули их тут же, среди шапок и рукавиц. Загорелые, суровые, мужественные лица; грубые, густые голоса, угловатые неотесанные движения и речь, скроенная нескладно, случайно, зато сильно и убедительно. У иных манера говорить была настолько странная, что можно было думать, будто они все время бранятся: отрывисто и резко о чем-то спрашивали, так же резко и будто зло отвечали.

Все это было около шести утра.

В семь Чапаев сидел с циркулем в руках и выправлял оперативный приказ о завтрашнем наступлении нашей бригады на станицу Сломихинскую.

В восемь мы вместе ехали на позицию — «осмотреть лично, подкрутить где следованно»: «следованно» он всегда говорил вместо «следует».

От Александрова-Гая до Сломихинской 80 верст. Катим степью. Приехали в казачью Таловку: здесь уцелело всего две мазанки, это — наш центр, отсюда завтра на заре поведем наступление...

Чуть забрезжило — прокатился в утреннем холодном тумане вестовой орудийный выстрел. И загромыхало... Мы шли в наступление. Чапаев метался на коне из одного конца в другой. Когда осталось до станицы меньше версты, а казаки с окраинных мельниц стали бить из пулеметов — наши цепи то залегали, то, быстро вскидываясь, перебегали и видели, как перед ними то здесь, то там мелькал привидением Чапаев...

Станицу взяли с боем! Дело к ночи. Утомленные, сваливаемся и засыпаем жадным сном. Не спит один Чапаев: пять раз за ночь он будит меня и пять раз неизменно я вижу его, склоненным над картою, с карандашом и циркулем в руке. Уже в эти первые дни он для меня сказался целиком: пламенный и неугомонный, энергичный вождь, неутомимый работник, властный командир и веселый товарищ, равный со всеми, простой и доступный, такой же спокойный в бою, как на отдыхе, в кругу бойцов...

В те мятежные дни к Самаре начали стягивать силы — здесь готовился кулак, который должен был впервые ударить Колчака. Силы стянули. Кулак создали. Колчака ударили — так больно, что он укатился в Сибирь, а там добили. Собиранием сил руководил М. В. Фрунзе, командовавший к тому времени Южной группой. Наша отдельная бригада, переименованная в 25-ю дивизию, соответственно пополненная, была переброшена в район Бузулука и в памятный день 28 апреля, когда открылось наше наступление по всему фронту — тронулись к Уфе. Первым шел Иваново-Вознесенский рабочий полк... Среди ткачей, воодушевляя их до восторга, как рядовой боец, с винтовкой в руках, кричал «ура» и бежал в атаку Фрунзе... Это было безумство: «Безумству храбрых поем мы песню!»

Чапаев руководил переправой, давал приказы: его слушали бойцы, слушал и командующий Южной группой Фрунзе: в бою дисциплина — первое дело!

Полку ткачей пришлось выдержать много остервенелых атак: он устоял, чудом устоял, но продержался, пока не пришла к нему помощь... 9 июня полки Чапаевской дивизии входили в Уфу...

Уральск уже много недель геройски держался в кольце казачьих войск.

Лишь только взяли Уфу, нас перебросили выручать Уральск. Уральск освобожден; нельзя передать потрясающие сцены наших встреч с освобожденными из заключения товарищами: Чапаева носили на руках, посвящали ему пламенные речи, благодарили, кто как умел.

Из Уральска путь дивизии лежал к Каспийскому морю через Лбищенск, Сахарную, Калмыков... Голод, жару, безводицу, нехватку патрон и снарядов — все выносили разутые, раздетые, измученные бойцы. Чапаев нервничал. Его телеграммы центру становились все резче: он болел душой за то, что видел, а больше страдал оттого, что помощи ждать было трудно, почти невозможно — это он знал, нехватки были не только у нас.

К половине августа мы были под Лбищенском, верст на полтораста южнее Уральска.

Вскоре меня отозвали на работу в политуправление Южгруппы: обязанности комиссара дивизии передал я П. С. Батурину. Через две недели его зарубили, а Чапаев погиб в Урале. Это был момент исключительного, потрясающего драматизма.

Штаб дивизии остановился во Лбищенске, бригады ушли ниже, под самую Сахарную. Казаки делают глубокий стоверстный обход мимо Чижинских болот, по Кушумской долине и внезапно, ночью с 4 на 5 сентября, налетают на Лбищенск. Неожиданность, ночная сумятица, паника, крики, беспорядочная стрельба... Чапаев в белье выскакивает на волю: в руке револьвер, в другой винтовка. Собрал вокруг себя красноармейцев и руководит этой горстью храбрецов. Все яростней казацкие атаки... И вот красноармейцы сбиты... Дальше — полосами сдирают кожу, разбивают головы о камни, расплескивая по забору мозги, выкалывают глаза, вырезают языки.

Когда эти трупы были найдены — их не узнать, так изуродованы... Чапаев крепится... Чтоб ослабить натиск, сам не раз переходил в атаку. Но где же горсточкой бойцов удержать казачью лаву? Все ближе враг, все ближе и крутой берег Урала, куда прижимают и гонят. Все меньше бойцов, путь отступления усеялся братскими телами. Чапаеву пробило руку — он вздумал утереть лицо и оставил кровавые полоски на щеке и на лбу. Плечом к плечу отступает рядом любимый и верный товарищ, Петька Исаев:

— Василий Иванович, дайте, голову завяжу,— крикнул он Чапаеву.

— Ничего... голова здоровая...

— Кровь на лбу бежит,— задыхающимся голосом старался его уверить Петька.

— Ну, полно — все равно...

Они шаг за шагом отступали к обрыву... Не было почти никакой надежды — мало кто успевал спастись через бурный Урал. Но Чапаева решили спасти.

— Спускай его на воду! — крикнул Петька. И все поняли, кого это «его» надо спускать: четверо ближе стоявших, поддерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному срыву. Вот кинулись, поплыли: троих убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. Плыли двое, уже были у самого берега,— и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову; когда спутник, уползший в осо-

ку, оглянулся,— позади не было никого: Чапаев потонул в волнах Урала...

А Петька остался на берегу до конца и, когда винтовка стала не нужна, выстрелил шесть нагановских патронов по наступавшей казацкой цепи, а седьмую — в сердце. И казаки остервенело издевались над трупом этого маленького рядового, но такого славного, благородного воина. С большим трудом опознали потом товарищи эту раздавленную в песке кровавую массу человеческого тела...

Николай БЫКОВ

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Еще за двенадцать лет до Октября В. И. Ленин писал о «непоследовательных» революционерах: «С этой непоследовательностью мы обязаны идейно бороться самым решительным образом, но бороться так, чтобы насущное, злободневное, живое, всеми признанное, всех честных людей объединившее революционное дело от этого не страдало».

Их было много, кого имел в виду В. И. Ленин, провозгласивший в момент всеобщей растерянности перед лицом краха самодержавия: «Есть такая партия!» История как вкопанная остановилась на всем скаку; лидеры партий, раскачавших царизм, вдруг струсили: брать ли власть в свои руки? Власть — это ответственность за исторические судьбы народа. Не было такой партии, которая бы решилась... была такая партия! Партия Ленина. За Лениным была сила дерзновенных, успевших пройти тюрьмы, ссылки, эмиграцию, фронты — все, кроме медных труб. Кто они? Всех ли мы помним, всех ли знаем? Все ли с нами сегодня? Листаешь историю, а там пробелы, неупоминания, ошибки, ошибавшиеся — жертвы остракизма... Отзовисты, оборонцы, «левые коммунисты», рабочая оппозиция, платформа одна, другая... Живая жизнь революции. А гладко не было даже на бумаге. Владимир Ильич — уж чего только не выкидывали ближайшие его соратники! — никого из честно колеблющихся, на мгновение струсивших, искренне заблуждавшихся не отринул. Не отлучил от главного — от повседневного участия в революции. Не раз остро критиковал. Критиковал, высмеивал, перебрасывал с участка на участок. Наставлял уму-разуму. Вооружал идеями, практическими указаниями — вел к победе. Через тернии вел. Свою партию.

Николай Подвойский, Антонов-Овсеенко, Федор Раскольников, Михаил Ольминский, Виктор Ногин, Валериан Яхонтов, Владимир Милютин, Николай Крыленко, Розалия Землячка, Ян Рудзутак, Влас Чубарь, Авель Енукидзе, Валериан Оболенский... Почти все они одного года смерти. О многих мало кто и что знает. А знать первостроителей соци-

алистического государства, их жизненный путь надо — путь кремнистый, через огонь, бездорожье и котлованы. Живые краеугольные камни фундамента. Легли надежно.

ИЗ ПИСЬМА в редакцию:

«В последнее время Ваше издание приобрело авторитет среди читателей интересными публикациями по самым разным вопросам. Предлагаю тему, которая просится на страницы журнала. В апреле 1987 года исполнилось 100 лет со дня рождения одного из видных деятелей Коммунистической партии, одного из учеников Ленина — Валериана Валериановича Оболенского (Н. Осинского). За недолгую жизнь (ему было чуть больше пятидесяти, когда он погиб) экономист В. В. Оболенский сделал немало. Гимназистом участвовал в первой русской революции, побывал в политэмиграции, редактировал первую легальную газету большевиков «Наш путь», в партию вступил в самый тяжелый для нее период — в 1907 году, сразу же после победы Октября был первым председателем ВСНХ, потом замнаркомзема, полпредом в Швеции, участвовал в Генуэзской конференции, был управляющим ЦСУ, начальником Автодора и куратором строительства Горьковского автозавода, одновременно популярным публицистом, был избран академиком...

В переживаемое время гласности раскрываются многие «тайны». Один из уроков правды — расшифровка имен, которые умалчивались до XX съезда партии. И вот, уважаемый товарищ редактор, мне видится статья под названием...»

Название есть. Его дал Александр Твардовский — «По праву памяти». Можно ли придумать лучше, надо ли?

Автор письма — внук В. В. Оболенского, Илья Витальевич Чусов, москвич, коммунист, научный сотрудник. Написать в редакцию его побудили, по-моему, два чувства — чувство потомка и чувство справедливости: «Я с горечью вижу, как слабеет память наших стариков, как они умирают...»

Страшна не старость сама по себе, страшно превратиться с годами в иванов, не помнящих родства. А мы все родом из Революции. Но, оказывается, и память у разных людей разная. Бывает добрая, а бывает — наоборот. О доброй памяти, на мой взгляд, очень точно сказал директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Л. Смирнов:

«Следует преодолеть положение, при котором считалось, что надо писать не историю людей, а историю идей... Именно в обезличивании истории причины того, что в историко-партийной литературе почти нет ярких книг, пользующихся широкой популярностью».

Хорошо бы реставрировать не только храмы, памятники истории, народного творчества, но и объективно рассказать о преданных забвению некоторых именах подвижников Великого Октября, дабы вклад их в нашу новейшую историю мы, наши дети переосознали, оценили по достоинству. Ни одного имени в топях забвения, ни одного...

...В доме внука уютное многокнижье. На столе брошюры, фотографии, рукописи воспоминаний, письма. Так и представлял себе нечто подобное — гнездо старых москвичей, семьи стойкой, пережившей не одну драму, не одну трагедию, помнящей все и всех. Велико противостояние духовного ударам повседневной, противоречивой жизни. О том же с не меньшим достоинством могут порассказать не только в этой квартире — во многих домах, в любом уголке Отечества.

Рядом со светом настольной лампы — дочь Оболенского Светлана Валериановна. Я оглушен безмолвными бумагами, уточняю, вчитываясь, слушаю.

Итак, Валериан Валерианович Оболенский. Осинский — партийный псевдоним. И литературный, когда-то известный — Н. Осинский.

Каким он был? Фотографии рассказали: благородное лицо, пенсне с крутой дужкой, кожанка, а под кожанкой грубоватый, может быть, шерстяной свитер. «Высокоценный работник» — так писал В. И. Ленин о Валериане Валериановиче. А критиковал Оболенского и не раз и не два, когда тот ошибался. Председатель Совнаркома знал его задолго до революции.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ В. В. ОБОЛЕНСКОГО, помещенной в словаре «Гранат»:

«Отсидка моя закончилась высылкой «с пунктами». Среди последних числилась Тверь, куда я отбыл с Екатериной Михайловной Смирновой, моей женой. Здесь мы бедствовали первый год весьма усиленно, второй год — в ослабленном масштабе. Постепенно завязались связи с местной публикой, не говоря уже о высланных... Из Твери же я начал посылать первые статьи в партийную прессу: сперва в «Звезду», затем в «Правду» и «Просвещение» (за подписью Н. Осинского). Разумеется, и в Твери я много читал (перечитал III том «Капитала») и работал над книгой о русской каменноугольной промышленности... В Твери я получил первое письмо от В. И. Ленина, которое доставило мне большую радость».

Это было еще до первой мировой войны, до Октября пять лет.

ИЗ ПИСЬМА внука, Ильи Витальевича:

«Вспомните киногероя Максима из «Выборгской стороны», как он овладел кладовыми банка в Петрограде. Так вот в жизни именно В. В. Оболенский, сломив саботаж чиновников, в ноябре 1917 года в буквальном смысле слова положил на стол Владимира Ильича мешок с деньгами. Это были первые деньги молодого Советского государства».

История эта сегодня прочитывается, как остросюжетный детектив, она вся заключена в трех страницах брошюры, которая лежит тут же, среди других пожелтевших документов.

Для победоносной революции нужно не только оружие, но и деньги. Какая же власть без денег! Те, кто был временными, задолжа-

ли рабочим Петрограда, железнодорожникам, служащим почт и телеграфа... Взять деньги было дело архиважным. Ошибка парижских коммунаров в том, что они банком не овладели, убоявшись нарушить святыню кредита. Большевики этой ошибки не допустили: ранним утром 26 октября в Государственный банк направили В. Р. Менжинского, ставшего в одночасье на пятый день революции заместителем наркомфина. Служащие банка митинговали, саботировали, а главное, денег не дали. Деликатничали с ними до середины ноября, ездили посланцы Совнаркома в банк каждодневно, а денег по-прежнему ни бумажки... В Смольном появился В. В. Оболенский. А было так. Саботировали, оказывается, не только «чужие», но и своим: некоторые товарищи вдруг вышли из ЦК, бросив ответственные посты. И тогда Бубнов привез смену из Москвы, в том числе Валериана Оболенского и его друга с юности В. М. Смирнова (кстати, брата Екатерины Михайловны).

Итак, большевики давно — с первой ночи — в банке, а денег не было; 13 ноября (по старому стилю) после митинга банковских служащих подчиниться Совнаркому согласились только швейцары, курьеры, охрана, дворники и счетчики. Подвойский и Менжинский снова и снова требовали ключи от кладовых, но ключей кассиры, «почтенные старики», не выдали. И тогда-то Ленин назначил комиссаром Государственного банка со всеми правами управляющего В. В. Оболенского (Осинского) и присовокупил: «Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комиссаров — и сдать дела по Банку, должны быть арестованы». Это помощь декретом, но была и другая помощь новоиспеченному комиссару.

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ В. И. Ленина Военно-морскому революционному комитету:

«Уважаемые товарищи.

Благоволите предоставить в распоряжение комиссара Государственного банка десять энергичных товарищей, которые нужны для исполнения весьма ответственных поручений.

Эти товарищи должны прибыть завтра, 16 ноября, к 10 часам утра в здание Государственного банка и явиться к комиссару Банка Оболенскому».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. В. Оболенского (Н. Осинского):

«В первый день мы не знали даже, сколько денежных хранилищ имеется в банке, сколькими ключами они запираются и где эти ключи находятся. И в первый же день т. Ленин со своим обычным умением брать быка за рога заявил нам, что пока мы не принесем ему КЛЮЧЕЙ ОТ КЛАДОВЫХ, мы будем только говорить о захвате банка».

В кармане комиссара были двадцать пять ордеров на арест самых ярых саботажников — осталось имена проставить.

И вот АКТ:

«Мы, нижеподписавшиеся... ключи от кладовой переданы... гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком... В соответствии с этим заведующий кладовой в присутствии нас, нижеподписавшихся, передал ключи от кладовой... гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком Валериану Валериановичу Оболенскому... Всего передано восемь ключей».

Мог ли быть Ленин довольным? Ключи — не деньги. На следующий день Оболенский и замнаркомфина Менжинский установили, какова сумма в наличии; главного кассира тут же уволили за отказ работать, и у спецов осталась последняя надежда: большевики в бухгалтерских книгах не разберутся... Но В. И. Ленин потребовал от Оболенского доставить 5 миллионов рублей аванса 17 ноября в Смольный. Первые эти пять миллионов взяли с Н. П. Горбуновым.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. П. Горбунова, секретаря Совнаркома:

«...угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделывали высшие чины... Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров, наконец, одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль...»

Сдали деньги Председателю Совнаркома. Потом в соседней комнате сложили их в платяной шкаф, окружили его стульями и поставили часового — рабочего с винтовкой. Казна!..

— Ленина отец очень любил, очень,— сказала Светлана Валериановна.

Еще не был Оболенский назначен комиссаром банка, а точнее, за три дня до этого назначения Совнарком поручил ему, а также В. М. Смирнову и М. А. Савельеву разработать проект декрета о создании высшего экономического органа, получившего 1 декабря 1917 года название — Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). То была новая страница биографии молодого Советского государства. В. В. Оболенский — первый председатель ВСНХ, небывалого еще в истории человечества учреждения, разместившегося в Мариинском дворце. Валериану Валериановичу было тридцать с половиной. Вся страна перед глазами, а он ее завхоз. Работали, по воспоминанию Г. И. Ломова, без сотрудников, в громадном холодном помещении, при полном саботаже со стороны специалистов — экономистов, финансистов, хозяйственников, знатоков транспортных, заводских и рудных проблем. Ни одно заседание ВСНХ, главного штаба народного хозяйства, не проходило без участия В. И. Ленина. Тот же Г. И. Ломов вспоминал: «Ежедневно, часто по нескольку раз, или т. Осинский (первый председатель ВСНХ), или я,

как его заместитель, бывали в Смольном у Владимира Ильича, советовались и обсуждали совместно все стороны хозяйственной жизни». Страна все еще митинговала, о перестройке говорили, а порядка не было.

Не прошло и трех недель, как на заседании Совнаркома заявили Оболенскому о том, что Совет Народного Хозяйства должен немедленно превратить себя из органа дискуссионного в орган, практически управляющий промышленностью. Революционерам предстояло заняться делом восстановления, строительства, планирования. Мешали многоговорения, отсутствие опыта в управлении, саботаж специалистов, голод масс, претензии левых эсеров, собственные ошибки. Чего-чего, а этого — последнего — хватало. Разное понимание ситуации, разные точки зрения на способы хозяйствования, разночтения одних и тех же декретов. На повестке дня стояла национализация всех предприятий, всех отраслей. Сопротивление было оказано огромное. Одни предлагали использовать старые учреждения, старые фабзавкомитеты. Другие стояли за ломку: за образование, а не преобразование. Об этом подробно в книге В. Дробижева «Главный штаб...». История ВСНХ поучительна.

Ошибался и В. В. Оболенский — дело живое. Был молод, держался своих представлений о правоте дела, например, считал, что будущий хозяйственный аппарат государства должен строиться по территориальному принципу управления, все силы отдавал созданию совнархозов на местах. Без конфликтов общеполитических не проходило ни дня. Отсюда и сложности — от сложности жизни. Отстаивал ошибочную позицию «левых коммунистов». Горячность и нетерпение... Владимир Ильич ценил Оболенского за многие качества революционного характера. Как энергичного и талантливого организатора. Это не удерживало прямолинейного в суждениях Оболенского от противоречий максималиста.

Мир с немцами? — Никогда! Привлечь к делу буржуазных спецов? — Никогда. Единоначалие на заводах, фабриках, рудниках? — Нет, только коллегиальность. И попутно — долой «главкизм» (ставку на главки и ведомства). От борьбы со сторонниками отраслевой схемы управления хозяйством страны он прямехонько перешел в стан «децистов», то бишь ярых приверженцев демократического централизма как фетиша коллегиальности, о которой В. И. Ленин сказал: «Нельзя же все время сидеть в приготовительном классе школы!»

В. И. Ленин уверенно вел корабль по штормовому, не утихавшему ни на день морю социальных преобразований, когда то справа, то слева в борта упирались «платформы» иначедумающих. Владимир Ильич не раз зло высмеивал и Оболенского, его страсть к теоретизированию. Но именно Оболенского Владимир Ильич назвал в числе «высокоценных работников».

Светлана Валериановна показала «Правду» с фотографией 1921 года. Октябрь, Бутырский хутор в Москве. Справа от В. И. Ленина — через человека — он, Оболенский, тогда замнаркомзема. Испытание электроплуга. Валериан Валерианович знал сельское хозяйство, изучал его эко-

номику еще во время ссылки в Харьков, даже писал об урожаях и вывозке хлеба. А позже — о том, как добывается хлеб в России и за границей, о восстановлении крестьянского хозяйства в России — это в 1922 году, в разгар нэпа. Многие свои взгляды он скорректировал после того, как побывал председателем Тульского губисполкома, поколесил по деревням, будучи уполномоченным на продработе...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. В. Оболенского, брата.

«Будучи заместителем наркома земледелия, Валериан по поручению Ленина объездил ряд губерний с целью ознакомления с состоянием сельского хозяйства и настроением крестьянства. Вернувшись в Москву и отчитавшись перед Ильичем, он заявил домашним, что больше никогда спорить с Владимиром Ильичем не будет. Валериана поразило то, что без выезда из Москвы, только из общения с ходоками Ленин составил такое же верное представление о положении на местах, какое составил он сам, но уже после объезда тех же мест».

— Да, это так,— подтвердила Светлана Валериановна, кандидат исторических наук.

— Откуда партийный псевдоним?

— Был такой народник, Валериан Осинский. Повесили при Александре II. Псевдоним в его память. Отец родился в многодетной семье ветеринарного врача, большого специалиста коннозаводского дела, автора нескольких книг. Дед мой был интеллигентом либеральных воззрений; старался дать и дал отличное образование детям, всех вывел в люди. Сам в политическом движении не участвовал, зато двери его дома всегда были открыты для народников, всех свободомыслящих людей, а брат его был одним из основателей и авторов журнала «Русское богатство». Дедушка голосовал за список большевиков во время выборов в Государственную думу. Тогда!

Валериан Валерианович вырос в атмосфере большой дружной семьи, с детства обучился иностранным языкам, отлично разбирался в русской классике, очень рано приобщился к чтению политических и философских сочинений, еще будучи гимназистом. Во время Декабрьского восстания 1905 года был «летучим репортером» «Известий московского Совета депутатов рабочих». С тех пор, очевидно, огонь публициста в нем не затухал. У него много брошюр, книжек, может быть, полсотни, не меньше, а статей еще больше. О многом говорят названия трудов: «Морские хлебные фрахты», «Новая деревня», «Северная Америка», «Россия, хлебный экспорт», «По сельскохозяйственным штатам Северной Америки. Экономический дневник», «Американский автомобиль и российская телега», «Дела и дни Большой Советской Энциклопедии», «Что такое учет», «О твердых ценах и аграрных вожделениях»...

В. В. Оболенский был сильным экономистом. Уже в середине двадцатых годов он возглавил Институт мировой экономики. Тяга к теоретической работе была непреодолимой. Ей он отдавал немало времени

и в Швеции, и во время поездки в США. Сколько идей по организации труда привез он от Форда, как много успел воплотить на строительстве Горьковского автозавода! И как еще о многом не успел написать — о поэзии. о высшей математике... Но жизнь властно позвала к практическому делу — назначение за назначением.

В 1926 году В. В. Оболенский стал управляющим ЦСУ СССР. Как свидетельствуют люди знающие, руководителя такого масштаба статистическая служба больше не имела. И на этом поприще он был первым. Именно он, Оболенский-Осинский, верный ленинизму, объявил войну лживой арифметике учета и отчетности, искажению информации. Стремлению выдать желаемое за действительное. Врать плохо, особенно плохо врать в статистике, призванной быть зеркалом экономики. Но в год «великого перелома», а именно в 1929 году, ЦСУ закрыли; заставили замолчать и его издание «Вестник статистики»... Через два года при Госплане создали Центральное управление народнохозяйственного учета. И снова его возглавил В. В. Оболенский: снова началась борьба с ложью, с «чего изволите» в статистической отчетности.

ИЗ СТАТЬИ В. В. Оболенского: «Борьба за верную цифру становится основным лозунгом переживаемого периода в области учета... Мы выступаем в поход «за верную цифру».

Только навел В. В. Оболенский элементарный порядок, его без объяснений сняли: шел 1935 год, правда об экономике «ела глаза».

...Семья Оболенских жила в Кремле, как и семьи многих руководителей страны. Позже, в 1937 году, переехали в так называемый «дом на набережной» (образ Ю. Трифонова). Заняли внезапно опустевшую квартиру военачальника Корка, но вскоре освободилась более просторная жилплощадь Рыкова. Переехали еще раз, казалось, зажили нормально; однако быстро приблизился финал: осенью отца и сына Оболенских забрали из дома, из жизни. Через несколько дней их участь разделила Екатерина Михайловна...

Революционер, экономист, академик, писатель. Он первым дал оценку роману М. Булгакова «Белая гвардия» — еще тогда, в 1925 году, на страницах «Правды». Он любил поэзию А. Ахматовой, успешно пытался примирить ее с новым поколением читателей. Он был членом худсовета Театра имени Вахтангова.

Какой долгий, какой хороший был вечер!..

Светлана Валериановна напомнила слова В. Короленко: «Прошлое имеет над душой особенную силу, и притом все в прошлом обладает этой силой, даже несомненные страдания».

Самое время вспомнить Варлама Шаламова: «На заброшенных гробницах высекаю письмена, запишу на память птицам даты, сроки, имена».

— Вопросы, вопросы... Их много о т т у д а, из прошлого; ответы могли бы разорвать душу. Надо ли отвечать? — вопросом на вопросы отвечает Светлана Валериановна. И сейчас она рассуждала не как исто-

рик — как дочь. Пятидесятилетний внук Оболенского-старшего, сын младшего Оболенского, что думал он? Он написал в редакцию.

На столе три справки: приговор Военной коллегии от 1 сентября 1938 года в отношении Осинского-Оболенского В. В. отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено; о восстановлении в партии; о восстановлении в правах академика. Справки старые, им тридцать лет.

Василий ПОЛИКАРПОВ,
доктор исторических наук

ФЕДОР РАСКОЛЬНИКОВ

«Мне очень радостно было получить письмо от пионеров отряда имени Ф. Ф. Раскольникова из села Гольяны Удмуртской АССР. Из их письма я узнал, что юные ленинцы ведут большую работу по сбору материалов о героях революции, просят здравствующих участников революции и гражданской войны прислать им воспоминания о том героическом времени...» Эти слова старого революционера, большевика с 1912 года У. И. Манохина возвращают нас к драматической судьбе, в которой парадоксально переплелись разные эпохи нашей жизни. Как говаривали любимые герои Юрия Трифонова, человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщепить и выделить и — по нему определить многое.

С того света

...Вместе с другими коммунистами, красногвардейцами, советскими работниками города Сарапула белогвардейцы затолкали У. И. Манохина в деревянную баржу, превращенную в плавучую тюрьму. Из Сарапула баржу отвели вверх по Каме и у села Гольяны поставили на якорь посреди реки.В течение многих дней людей держали в холоде, сырости, темноте, морили голодом. «Кто хочет жить,— кричал в люк появлявшийся время от времени фельдфебель,— выдавай комиссаров, коммунистов и матросов! Будете молчать — взорвем баржу, погибнете все, как мухи!» Предателей в трюме не находилось. Заключенных группами выводили на палубу, расстреливали и сбрасывали тела в Каму.

Но вот Сводная дивизия В. М. Азина отбила Сарапул у белых. Сюда же после боев с вражеской флотилией адмирала Старка, загнанной красной Волжско-Камской флотилией в реку Белую и заблокированной там, на помощь частям Азина привел три миноносца («Прыткий», «Прочный» и «Ретивый») командующий красной флотилией Ф. Ф. Раскольникова

ников. 17 октября 1918 года он отправился с ними в белогвардейский тыл спасать «баржу смерти». Было непросто прорваться через линию фронта между Сарапулом и Гольянами, охраняемую вражескими батареями и пулеметами. Приказав спустить красные флаги, чтоб выдать миноносцы за белогвардейские, Раскольников подошел к Гольянам, увидел баржу и на ее палубе вооруженных людей в черных полушубках и косматых шапках, а на берегу напротив — группы солдат, трехдюймовое орудие и в амбразуре колокольни пулемет.

Когда «Прыткий» поравнялся с баржей, вахтенный начальник под диктовку командующего прокричал в мегафон:

— Его превосходительство адмирал Старк приказывает вам приготовиться. Сейчас возьмем баржу с арестованными на буксир и отведем в Уфу.

— А как же красные? — послышалось из конвоя.— Ведь они в Сарапуле.

— Сарапул сегодня утром занят нашими доблестными войсками. Красные бежали в Агрыз.

Стоявшему у пристани колесному буксиру с «Прыткого» было передано:

— По приказанию командующего флотом адмирала Старка возьмите баржу с арестованными и отправляйтесь в Уфу. Мы будем вас охранять...

Солдаты наблюдали с берега, как пароход, выполняя приказ, заводил буксирный конец, а потом дернул и потащил за собой баржу.

Конвойные на барже могли в последнюю минуту заподозрить неладное. В душе Раскольников опасался, как бы в отчаянии тюремщики не бросили в трюм ручные гранаты и не взорвали арестованных. Нужно было действовать быстро, решительно, не подавая врагу повода для сомнений.

В темноте отряд прошел через линию фронта. С «Прыткого» было видно, как на палубе смутно черневшей баржи мерцали светляками огоньки папирос. У сарапульской пристани матросы арестовали белогвардейских тюремщиков и свезли на берег.

Заключенные услышали топот ног и лязг оружия, люк открылся, «и на фоне синего неба,— рассказывал У. И. Манохин,— мы увидели краснофлотца в бушлате и бескозырке с ленточками. Всматриваясь в могильную темноту трюма, он крикнул:

— Живы, товарищи?

Нам спустили лестницу. Оглушенные неожиданной радостью, стали подниматься на палубу. Мы обнимались, целовали своих освободителей...»

Дальше лучше всего предоставить слово Ларисе Рейснер, наблюдавшей происшедшее: «...Через живую стену моряков 432 (из 600 их уцелело только 432.— **В. П.**) шатающихся, обросших, бледных сошли на берег. Вереница рогож, колпаков, шапок, скрученных из соломы, придава-

ла какой-то фантастический вид процессии выходцев с того света... Еще приближаясь к берегу, голосами, пролежанными на гнилой соломе, они начали петь «Марсельезу». И пение это не прекращалось до самой площади. Здесь представитель от заключенных приветствовал моряков Волжской флотилии, ее командующего и власть Советов. Раскольникова на руках внесли в столовую, где были приготовлены горячая пища и чай».

«Потом им выдали новую одежду. (Это уже рассказывает Раскольников.— **В. П.**). Поспешно и радостно они сбрасывали с себя грязные, оборванные рогожи и облекались в человеческое платье. Многие, скинув рогожи, тотчас надели красноармейскую форму и сразу отправились на фронт. 7 ноября 1918 года, в годовщину Великого Октября, после жаркого штурма красными войсками был взят Ижевский завод. В этом штурме принимали участие и освобожденные нами «баржевики». Некоторые из них сложили там свои преданные революции головы за победу и счастье рабочего класса, за Коммунистическую партию».

К 1966 году, когда писал свои воспоминания У. И. Манохин, подвиг моряков Волжско-Камской флотилии не был забыт, как не был забыт и тот, кого спасенные от гибели борцы за власть Советов несли на руках в Сарапуле в октябре 1918 года. И вполне понятно, почему в тех самых Гольянах, где был совершен подвиг, пионерский отряд получил в 1965 году гордое имя Ф. Ф. Раскольникова.

Через три революции

Раскольникову было ко времени подвига в Гольянах 26 лет (родился в январе 1892 года в Петербурге в семье священнослужителя), а за его спиной уже было столько дел, что их хватило бы не на одну жизнь. «Еще в 1905—1906 гг. в 5-м и 6-м классах реального училища,— писал он впоследствии в автобиографии,— я дважды принимал участие в забастовках, причем один раз был даже избран в состав ученической делегации и ходил к директору училища с требованием улучшения быта, за что едва не был исключен из училища. Революция 1905 г. впервые пробудила во мне политический интерес и сочувствие к революционному движению, но так как мне было тогда всего 13 лет, то в разногласиях отдельных партий я совершенно не разбирался, а по настроению называл себя вообще социалистом... Политические переживания во время революции 1905 г. и острое сознание социальной несправедливости стихийно влекли меня к социализму. Эти настроения тем более находили во мне горячий сочувственный отклик, что материальные условия жизни нашей семьи были довольно тяжелыми».

Учась с 1908 года в Петербургском политехническом институте, Раскольников серьезно увлекся марксистской литературой, которая «сделала» его, по его же признанию, марксистом, а в 1910 году 19-летний юноша вступает в социал-демократическую партию. Он сотрудничает в боль-

шевистской газете «Звезда», а как только начала издаваться «Правда», становится секретарем ее редакции.

Связав свою судьбу с ленинской партией, молодой революционер вступил на путь борьбы против самодержавия, на котором его ожидали суровые испытания. Уже в 1912—1913 гг. он узнал, что такое царская тюрьма и ссылка.

Призванный на флот, он был направлен в Отдельные гардемаринские классы и учился там, продолжая партийную работу, вплоть до Февральской революции.

В середине марта 1917 года партия направила Федора Раскольникова в Кронштадт редактировать газету «Голос правды». Войдя в руководящее ядро кронштадтской организации, он снискал огромный авторитет среди матросов, солдат и рабочих. Его избирают товарищем председателя Кронштадтского Совета. Матрос-большевик И. Н. Колбин принадлежал тоже к числу руководителей Кронштадтского комитета РСДРП(б), был членом Кронштадтского и Петроградского Советов, однако первенство во влиянии на массы признавал за Раскольниковым. «Федор Федорович,— писал он в воспоминаниях, напечатанных в 1927 году в сборнике «Октябрьский шквал»,— был гордостью кронштадтцев. Моряки и рабочие сильно любили его. Молодой, энергичный руководитель организации, пламенный оратор, тов. Раскольников поднимал революционную энергию моряков. Они жили в постоянной готовности к битвам с капиталистическим строем».

3 апреля Раскольников участвует во встрече на станции Белоостров возвращавшегося из эмиграции В. И. Ленина, сопровождает его по пути в Петроград. Знакомство с Лениным оставило неизгладимый след у Раскольникова. Об этом дне он взволнованно, ярко рассказывал впоследствии в своих воспоминаниях. Встреча с вождем революции не была лишь эпизодом в биографии Раскольникова. Ему потом не раз приходилось выполнять ответственнейшие поручения Ленина.

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков делегат от Кронштадта Раскольников слушал Ленина, начертавшего план борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Во главе кронштадтской делегации он совершил агитационную поездку по морским базам Балтийского флота: большевики заботились об усилении влияния партии в массах моряков.

В июльской мирной демонстрации в Петрограде Раскольников руководил многотысячной колонной матросов, прибывших из Кронштадта. В те дни Временное правительство готовило разгром особняка Кшесинской, где помещались Центральный и Петербургский комитеты большевистской партии. Военная организация при ЦК поручает Раскольникову охрану центральных учреждений партии, назначив его комендантом здания.

В июле одержала верх реакция. Временное правительство арестовало и посадило в тюрьму многих активных работников партии: В. А. Ан-

тонова-Овсеенко, А. В. Луначарского, П. Е. Дыбенко и других. Был арестован и Раскольников. Выйдя через три месяца на свободу, он участвует в подготовке к Октябрьскому вооруженному восстанию. В октябрьские дни он член Петроградского военно-революционного комитета. Ленин советуется с ним, как лучше использовать корабли для защиты революционной столицы от наступавших войск Керенского — Краснова. Раскольников и сам участвует в боях под Пулковом, а затем во главе отряда балтийцев отправляется на помощь восставшему пролетариату Москвы. По возвращении в Петроград он назначается комиссаром Морского генерального штаба. В ноябре 1917 года Советская власть отменила офицерские чины, но состоявшийся вскоре I Всероссийский съезд военного флота в ознаменование заслуг Раскольникова перед революцией своим решением производит его из мичманов в лейтенанты.

5 января 1918 года в Таврическом дворце открылось Учредительное собрание. Его контрреволюционное большинство отказалось признать Советскую власть и тем самым выявило свое антинародное лицо. Большевистская фракция во главе с В. И. Лениным, не желая участвовать в этом контрреволюционном сборище, решила покинуть зал заседаний. Ленин написал заявление фракции о разрыве с Учредительным собранием; огласить его поручено было Раскольникову. Вскоре после того зал заседания покинула и фракция левых эсеров. В зале остались только депутаты правых, контрреволюционных партий. Тогда начальник караула матрос Анатолий Железняков предложил и им покинуть зал, «потому что караул устал». На том и закончилась история «учредилки».

Когда создавался новый, Рабоче-Крестьянский Красный Флот, Раскольников помогал Ленину в разработке вопросов, относящихся к морскому ведомству. Он участвовал и в подготовке декрета об организации Красного Флота, принятого на заседаниях СНК под председательством Ленина 29 января 1918 года. Назначенный на должность заместителя наркома по морским делам, он развивает кипучую деятельность по строительству советского флота. Он был в числе руководителей знаменитого Ледового похода — перевода в феврале — мае 1918 года кораблей Балтийского флота из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт (для спасения их от захвата германскими войсками, начавшими наступление в Прибалтике).

Раскольникову поручил Ленин выполнение трудной задачи — решения правительства о потоплении кораблей Черноморского флота в Новороссийской бухте в июне 1918 года, когда контрреволюционное офицерство намеревалось увести их в Севастополь, где они неизбежно попали бы в руки германских оккупантов. Говоря о выполнении этой задачи 28 июня в речи на конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы, Ленин сообщил: «...Там действовал товарищ Раскольников, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе».

Из Новороссийска Раскольников с отрядом матросов пробился в Царицын. Вскоре он вернулся в Москву и был направлен ЦК партии с чрезвычайными полномочиями в Поволжье, где создавалось угрожающее положение. Насколько велико было доверие ЦК, которым пользовался Раскольников, свидетельствует выданный ему мандат, в котором говорилось, что «он назначается ЦК РКП членом партийно-следственной комиссии, учрежденной для расследования поведения всех членов партии в связи с военными действиями на фронте, и уполномочен отстранять от всякой партийной и советской работы и исключать из партии всех членов партии, деятельность которых окажется несоответственной задачам партии и требованиям момента».

В июле 1918 года Раскольников назначается членом Реввоенсовета главного в то время Восточного фронта, а в августе вступает в командование Волжской (Волжско-Камской) военной флотилией. Оказывая помощь 2-й армии Восточного фронта, флотилия зачастую двигалась по реке опережая сухопутные войска. О подвигах моряков и их командующего повествует приказ № 7 Реввоенсовета Республики от 16 января 1920 года: «Награждается орденом Красного Знамени командующий Волжско-Камской флотилией тов. Раскольников за отличное боевое руководство флотилией в кампанию 1918 года, когда наша слабая Волжская флотилия остановила двигавшуюся с юга сильнейшую флотилию противника, за действия при взятии 10 сентября 1918 года красными войсками Казани, за отбитие под Сарапулом 17 октября 1918 года отрядом из трех миноносцев под личным его командованием баржи с 432 арестованными противником советскими работниками и за активную оборону низовьев и дельты Волги в кампанию 1919 г.»

2 сентября с образованием Реввоенсовета Республики Раскольников был введен в его состав. Успешно закончив боевую кампанию на Волге, он в ноябре 1918 года вернулся в Москву в Народный комиссариат по морским делам, но в декабре во главе отряда особого назначения был послан в разведывательный морской поход под Ревель. Эсминец «Спартак», на борту которого находился Раскольников, близ Ревеля потерпел аварию и был окружен английскими крейсерами. Раскольников вместе с командой был захвачен в плен. Его доставили в Лондон и около пяти месяцев продержали в Брикстонской тюрьме. В результате энергичных мер, принятых Советским правительством, в мае 1919 года он был освобожден в обмен на 17 английских офицеров, ранее взятых в плен на территории Советской Республики.

По возвращении из Англии Раскольников назначается командующим Астрахано-Каспийской, затем Волжско-Каспийской флотилией, под его командованием совершившей в 1919—1920 годах немало славных боевых дел, содействуя успехам наших сухопутных войск под Царицыном, в обороне Астрахани, при занятии форта Александровского, где были захвачены в плен остатки белого уральского казачества, и закончила свой путь знаменитой Энзелийской операцией.

21 мая 1920 года Ленин передал «славным красным морякам» флотилии высокую оценку их героической боевой работы, а Раскольников — «за проявленную боевую доблесть, энергию и преданность делу защиты интересов пролетариата» — 7 июня 1920 года был награжден вторым орденом Красного Знамени.

В июне 1920 года Раскольников назначается командующим Балтийским флотом. Во время дискуссии о профсоюзах он короткое время разделял взгляды оппозиции. Преодолев их, в дальнейшем всю жизнь последовательно боролся за ленинскую линию партии.

В 1921—1923 годах Раскольников был полномочным представителем РСФСР в Афганистане. Проявив незаурядные качества дипломата, он много сделал для установления дружественных взаимоотношений между Советской страной и Афганистаном. Первым из советских дипломатов был отмечен орденом иностранного государства. С 1924 года Раскольников — главный редактор журналов «Молодая гвардия», «Красная новь» и издательства «Московский рабочий», председатель Главреперткома, член коллегии Наркомпроса и начальник Главискусства; в 1930—1938 годах полпред СССР в Эстонии, Дании и Болгарии.

Раскольников был известен как талантливый литератор, автор публицистических работ, книг и пьес. В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» (1925 год) он в яркой художественной форме рассказал о революционных подвигах моряков Балтийского флота в подготовке, свершении и вооруженной защите Великого Октября. Со страниц книги предстает великий образ В. И. Ленина, по личным впечатлениям описаны встречи с ним, кипучая деятельность вождя пролетарской революции и главы первого рабоче-крестьянского правительства. Позже, в 1934 году, Раскольников посвятил тем же событиям книгу мемуарных очерков «Рассказы мичмана Ильина» (Ильин — его настоящая фамилия). Его перу принадлежат книги «Афганистан и английский ультиматум» (1924 год), «Пробудившийся Китай» (1925 год). Фамилия Раскольникова стоит на титульном листе 1-го тома «Истории гражданской войны в СССР» в ряду составителей тома (1935, 1936 гг.). В 1934 году он был принят в члены Союза советских писателей. Сохранились его неопубликованные работы — на литературные темы, памфлеты на фашистских диктаторов — Гитлера, Муссолини, Пилсудского; среди его рукописного наследия — «Очерки по истории цензуры XX века».

Как его сделали «врагом народа»

В сороковых годах бывший управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич написал воспоминания «Владимир Ильич Ленин и Военно-Морской Флот». Они не были изданы. Через 20 лет, в 1964 году, извлечения из них опубликовал «Военно-исторический журнал». Вот как рассказывал Бонч-Бруевич о некоторых лично ему известных эпизодах времен революции и гражданской войны:

«Вечером 27 октября (9 ноября) 1917 года Владимир Ильич дает поручение одному из морских офицеров организовать оборону Петрограда судами Балтийского флота».

«Владимир Ильич вызвал к себе находившегося в то время в Кронштадте лично известного ему мичмана военно-морского флота и подробно инструктировал его, что нужно сделать в Новороссийске, требовал от него быть непреклонным, все выполнить от имени правительства. Владимир Ильич вручил ему особое верительное письмо, которое он должен был прочесть командному составу и матросам».

«Командированный офицер морского флота блестяще выполнил возложенное на него правительством и лично Владимиром Ильичем поручение. 18 июня 1918 года Черноморский флот был потоплен в Новороссийске...»

После того, что уже сказано выше, нет нужды особо пояснять, что человек, замаскированный Бонч-Бруевичем под «одного из морских офицеров», был не кто иной, как Раскольников. Автор записок не назвал его впрямую, так как хорошо знал, что начиная с 1938 года упоминать Раскольникова в печати стало чрезвычайно опасно, вернее, невозможно.

В чем же дело? Откуда такой страх перед именем героя, прах которого покоится в Ницце? Ответ на этот вопрос принес 12-й номер журнала «Вопросы истории КПСС» за 1963 год. В. С. Зайцев, который по поручению высших партийных органов участвовал в разборе «дела» Раскольникова, сообщил:

«После XVII съезда он, находясь за границей, с тревогой наблюдает за развитием культа личности Сталина. В результате произвола и беззакония бессмысленно гибли ленинские кадры партии и Советского государства, выдающиеся военачальники, которых Раскольников лично знал по гражданской войне, дипломатические работники, неугодные Сталину. Все это настораживало Раскольникова. Работая в Болгарии, он стал замечать, как подосланные Ежовым, а затем Берия агенты ведут за ним слежку.

В июле 1939 года, находясь во Франции, Раскольников узнает, что на Родине он объявлен «врагом народа» и поставлен вне закона.

Тогда, оказавшись в чрезвычайно трудных условиях, Ф. Ф. Раскольников решает начать борьбу с культом личности Сталина. 26 июля он публикует открытое заявление „Как меня сделали «врагом народа»“, в котором решительно выступает в защиту себя и других невинно пострадавших видных деятелей партии и Советского государства».

На протяжении 1936—1937 годов Наркоминдел неоднократно вызывал его из Софии в Москву якобы для переговоров о новом назначении то в Мексику, то в Чехословакию, то в Грецию, то в Турцию. Чувствуя «явно несерьезный характер» таких предлогов (как иначе было воспринимать их, если, например, с Мексикой у СССР тогда не было даже дипломатических отношений?), Раскольников отказывался от этих предложений, заявляя, что он «удовлетворен своим пребыванием в Бол-

гарии». Наконец, Наркоминдел потребовал его немедленного выезда в Москву, обещая неопределенное «более ответственное» назначение.

«1 апреля 1938 года,— писал потом Раскольников в открытом заявлении,— я выехал из Софии в Москву, о чем в тот же день уведомил по телеграфу Наркоминдел... Вся советская колония в Болгарии провожала меня на вокзале». Но в Москву Раскольников не приехал. Случилось неожиданное. В том же заявлении он рассказал об этом так: «5 апреля 1938 года, когда я еще не успел доехать до советской границы, в Москве потеряли терпение и во время моего пребывания в пути скандально уволили меня с поста полпреда СССР в Болгарии, о чем я, к своему удивлению, узнал из иностранных газет. При этом даже не был соблюден минимум приличия: меня даже не назвали товарищем. Я — человек политически грамотный и понимаю, что это значит, когда кого-либо снимают в пожарном порядке и сообщают об этом по радио на весь мир.

После этого мне стало ясно, что по переезде границы я буду немедленно арестован.

Мне стало ясно, что я, как многие старые большевики, оказался без вины виноватым. А все предложения ответственных постов от Мексики до Анкары были западней, средством заманить меня в Москву.

Такими бесчестными способами, недостойными государства, заманили многих полпредов. Л. М. Карахану усиленно предлагалась должность посла в Вашингтоне, а когда он приехал в Москву, то его арестовали и расстреляли.

В. А. Антонов-Овсеенко был вызван из Испании под предлогом его назначения наркомом юстиции РСФСР. Для придания этому назначению большей убедительности постановление о нем было даже распубликовано в «Известиях» и «Правде». Едва ли кто-либо из читателей газет подозревал, что эти строки напечатаны специально для одного Антонова-Овсеенко.

Поездка в Москву после постановления 5 апреля 1938 года, уволившего меня со службы, как преступника, виновность которого доказана и не вызывает сомнений, была бы чистым безумием, равносильным самоубийству.

Над порталом собора Парижской Богоматери, среди других скульптурных изображений, возвышается статуя святого Дениса, который смиренно несет собственную голову. Но я предпочитаю жить на хлебе и воде на свободе, чем безвинно томиться и погибнуть в тюрьме, не имея возможности оправдаться в возводимых чудовищных обвинениях».

Оставаясь за границей, Раскольников, «несмотря на неслыханно возмутительное увольнение с поста», проявлял выдержку и лояльность по отношению к Советскому правительству. 12 октября 1938 года он был вызван в полпредство СССР во Франции, где посол Я. З. Суриц, сообщив, что у Советского правительства, «кроме самовольного пребывания за границей, никаких политических претензий» к нему нет, предложил

Раскольникову ехать в Москву, гарантируя, что по приезде ему «ничего не угрожает». Но Раскольников хорошо знал, что одно только «самовольное пребывание за границей», независимо от того, чем оно вызвано, расценивалось тогда как измена Родине с вытекающими отсюда последствиями.

18 октября он послал письмо Сталину, в котором заявил, что не признает обоснованным это единственное тогда обвинение, что его временное пребывание за границей «является не самовольным, а вынужденным». «Я никогда не отказывался вернуться в СССР»,— писал Раскольников.

О том, что произошло потом, мы узнаем из цитированного выше заявления „Как меня сделали «врагом народа»“:

«С тех пор никаких новых требований о возвращении мне предъявлено не было.

Мое обращение в парижское полпредство с просьбой о продлении паспорта осталось без ответа.

Сейчас (это писалось 22 июля 1939 г.— **В. П.**) я узнал из газет о состоявшейся 17 июля комедии заочного суда. Принудив уехать из Софии, меня объявили «дезертиром»; по произволу уволив со службы, объявили, что я отказался вернуться в СССР, игнорируя мое документальное заявление Сталину, что я никогда не отказывался и не отказываюсь вернуться в СССР.

Мою лояльность объявили «переходом в лагерь врагов народа».

Это постановление лишний раз бросает свет на сталинскую юстицию, на инсценировку пресловутых процессов, наглядно показывая, как фабрикуются бесчисленные «враги народа» и какие основания достаточны Верховному суду, чтобы приговорить к высшей мере наказания».

Раскольников заканчивал это заявление с полным сознанием достоинства коммуниста-ленинца и гражданина Страны Советов:

«Объявление меня вне закона продиктовано слепой яростью на человека, который отказался безропотно сложить голову на плахе и осмелился защищать свою жизнь, свободу и честь.

Я протестую против такого издевательства над правосудием и требую гласного пересмотра дела с предоставлением мне возможности защищаться».

Возможности защищаться в суде он не получил.

В конце августа 1939 года, находясь в Ницце (юг Франции), Ф. Ф. Раскольников заболел воспалением легких и в тяжелом состоянии был доставлен в больницу. Вскоре у больного возник также и менингит, которого он не перенес и 12 сентября скончался. Прах его покоится в фамильном склепе одной из французских семей в городе Ницце.

Целую четверть века на славном имени революционера, дипломата, литератора, политического деятеля ленинской школы висело проклятие клеветы. Ее трудно было бы рассеять, если бы не собственные свидетельства Раскольникова в виде заявления „Как меня сделали «врагом на-

рода»" и последнего открытого письма Сталину. В письме, написанном незадолго до смерти, Раскольников, самозабвенно веривший в моральные силы своего народа, высказал надежду, что недалеко то время, когда режим произвола и беззакония, насажденный Сталиным, будет разоблачен и восторжествует справедливость, за которую отдали жизни поколения революционеров. Такое время пришло. Оно ознаменовано в жизни Советской страны XX и XXII съездами партии. 10 июля 1963 года решением пленума Верховного суда постановление 1939 года по «делу» Раскольникова было отменено «за отсутствием в его действиях состава преступления», и он был восстановлен в рядах Коммунистической партии, служению которой отдал 30 лет сознательной жизни.

Последний подвиг

После четвертьвекового замалчивания и поношения имени Раскольникова мы узнали, что все это основывалось на злостных вымыслах. «Вопросы истории КПСС» черным по белому утверждали, что слава героя Октября и гражданской войны осталась незапятнанной, что до конца своих дней Раскольников «оставался большевиком, ленинцем, гражданином Советского Союза. Находясь в изгнании, он ничем себя не скомпрометировал». Тогда же, в декабре 1963 года, мы узнали и об открытом письме Раскольникова Сталину от 17 августа 1939 года. Из него стало ясно, что в партии и в годы культа личности Сталина были здоровые силы, которые не мирились с произволом и отступничеством от ленинских норм общественной жизни, возведенными в ранг правительственной политики. Особую тревогу Ф. Ф. Раскольникова вызвало истребление опытных командных кадров армии и флота. Он предупреждал, что это ведет к ослаблению Советских Вооруженных Сил и чревато серьезными последствиями в случае войны с фашизмом, а столкновение с гитлеровской Германией он считал неизбежным.

Обращаясь к Сталину, Раскольников заявил во всеуслышание:

«С помощью грязных подлогов Вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения знакомые Вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм.

Вы заставили идущих с Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей. В лживой истории партии, написанной под Вашим руководством, Вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных Вами людей и присвоили себе их подвиги и заслуги».

Мы только сейчас, осмысливая процесс перестройки общественной жизни, обнаруживаем застой и догматизм в гуманитарных науках, в искусстве. Письмо Раскольникова позволяет проследить эволюцию этих явлений, вскрыть их истоки, привлекает внимание к факторам, определяющим их живучесть, без выявления которых невозможно их выкорчевывание. Характерным для Раскольникова — и в этом урок, который дает нам большевик ленинского поколения,— было беспощадное обнаже-

ние образовавшегося зла, без скидок на те «объективные» причины, которые часто преднамеренно используются для его оправдания.

«Лицемерно провозглашая интеллигенцию «солью земли»,— писал Раскольников,— Вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается и вымирает. Неистовства запуганной Вами цензуры и понятная робость редакторов, за все отвечающих своей головой, привели к окостенению и параличу советской литературы. Писатель не может печататься, драматург не может ставить пьесы на сцене театра, критик не может высказать свое личное мнение, не отмеченное казенным штампом. Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь Вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливым однообразием воспевает Вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность». Бездарные графоманы славословят Вас, как полубога, рожденного от Луны и Солнца, а Вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести. Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично Вам неугодных писателей. Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где А. Аросев? Где Михаил Кольцов? Где Галина Серебрякова, виновная в том, что она была женой Сокольникова? Вы арестовали их, Сталин!»

Только недавно в нашей печати стало «новостью» то, что в ненастные годы сталинского самоуправства отбывали заключение по вздорным обвинениям С. П. Королев, Д. С. Лихачев и другие деятели культуры, науки и техники. И поэтому впрямь сенсацией звучат разоблачения, сделанные Раскольниковым в те времена, когда все это творилось.

«Вы лишаете советских ученых,— писал он автору лозунга «Кадры решают все»,— особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которой творческая работа становится невозможной. Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать ученым в университетах и институтах, лабораториях. Выдающихся русских ученых с мировым именем академика Ипатьева и Чичибабина Вы на весь мир провозгласили «невозвращенцами», наивно думая их обесславить, но опозорили только себя, доведя до сведения всей страны и мирового общественного мнения постыдный для Вашего режима факт, что лучшие ученые бегут из Вашего «рая», оставляя Вам Ваши «благодеяния»: квартиру, автомобиль, карточку на обеды в совнаркомовской столовой. Вы истребили талантливых русских ученых. Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Туполева, Сталин! Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный режиссер, выдающийся деятель искусства Вс. Мейерхольд не занимался политикой. Но Вы арестовали и Мейерхольда, Сталин!»

Вспомним, открытое письмо Сталину Раскольников написал 17 августа 1939 года, за две недели до нападения фашистской Германии на Польшу, которым началась вторая мировая война. В это время Сталин

пребывал в плену иллюзий о возможности предотвращения военного конфликта с Германией, от которых он так и не освободился ни в 1939, ни в 1940 и 1941 годах.

Раскольников бил тревогу. Уже тогда он расценивал обстановку как «грозный час военной опасности, когда острие фашизма направлено против Советского Союза». В военных действиях, которые уже вели Германия и Япония в Западной Европе и Китае, он видел «лишь подготовку плацдарма для будущей интервенции против СССР», считая, что «главный объект германо-японской агрессии — наша Родина». Перед лицом нараставшей угрозы с особой остротой Раскольников воспринимал подрыв Сталиным обороноспособности страны путем истребления наиболее ценных кадров.

«Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый опытный и культурный дипломат,— писал он Сталину,— Вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел».

Не меньшую боль вызывало у него положение в армии и на флоте:

«Накануне войны Вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову техники и сделали ее непобедимой. В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров. Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? Вы арестовали их, Сталин. Для успокоения взволнованных умов Вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее. Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, Вы воскресили институт политических комиссаров, который возник на заре Красной Армии, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами старой армии нужен был политический контроль. Не доверяя красным командирам, Вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину. Под нажимом советского народа Вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев: Александра Невского, Дмитрия Донского и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут Вам больше, чем казненные маршалы и генералы. Пользуясь тем, что Вы никому не доверяете, настоящие агенты гестапо и японская разведка с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной Вами воде, в изобилии подбрасывают Вам подложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей. В созданной Вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Народного комиссариата внутренних дел, которому Вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому «перехваченному» доку-

менту верят или притворяются, что верят, как неоспоримому доказательству...»

Этому письму Раскольников предпослал эпиграф — две строчки из «Горя от ума»: «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи». Может возникнуть вопрос: не сгущает ли он краски для оправдания этого обещания? Но вот перед нами подсчеты, сделанные генерал-лейтенантом А. И. Тодорским: сталинские репрессии вырубили из пяти маршалов трех (А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер); из пяти командармов 1-го ранга — трех; из 10 командармов 2-го ранга — всех; из 57 комкоров — 50; из 186 комдивов — 154; из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга — всех, из 28 корпусных комиссаров — 25; из 64 дивизионных комиссаров — 58; из 456 полковников — 401.

Это сведения о командирах и политработниках, первыми удостоенных персональных воинских званий в ноябре 1935 года. А. И. Тодорский не касался последующих присвоений этих званий, не суммировал потери от репрессий за какой-то период — выяснял лишь масштаб потерь в тогдашнем первом эшелоне военных кадров, «вынесших на своих плечах в чисто военном смысле гражданскую войну».

Заканчивая письмо, Раскольников писал:

«Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список Ваших жертв, нет возможности их перечислить. Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

Эта надежда выдающегося деятеля партии и Советского государства, революционера-ленинца сбылась. Партия осудила культ личности Сталина, сделав достоянием гласности факты его злоупотреблений властью. Осталось глубоко исследовать причины и условия возникновения культа, исторический опыт борьбы против него. Письма Раскольникова служат ценным источником для такого исследования: они показывают, что в рядах партии большевиков выросли под ленинским руководством несгибаемые борцы, навсегда сохранившие верность знамени марксизма и способные в чрезвычайных ситуациях отстаивать честь партии и чистоту идеалов социализма. Письма доносят до нас из полувековой давности голос мужественного большевика-ленинца.

Раскольникову трудно было решиться на открытое осуждение сталинизма, о чем он признался в письме от 17 августа 1939 года. Тем не менее он нашел душевные силы, чтобы превозмочь боль и опасность и сказать правду, о которой мало кто решался говорить.

Не у всех достало гражданского мужества перестать молчать не только тогда, но даже и после того, как культ Сталина был осужден партией. Благодушная характеристика Сталина возводилась иными деятелями от науки в новую незыблемую догму: несмотря на нанесенный культом личности ущерб делу социалистического строительства «в отдель-

ных сферах жизни общества», ни он сам, ни его последствия «ни в коей мере не вытекали из природы социалистического строя, не изменили и не могли изменить его характера». А уж отсюда выводилось поучение о том, что «нельзя признать ни теоретически, ни фактически правильным, когда в некоторых наших научных или художественных публикациях жизнь изображается только под углом зрения явлений культа личности и тем самым заслоняется героическая борьба советских людей, построивших социализм», как настаивал в октябре 1965 года С. П. Трапезников. Приспособленческая же «научная» мысль угодливо развивала эту идею в январе 1966 года: к сожалению-де, в развенчании партией и народом „этого глубоко чуждого марксизму явления сказались чуждые марксизму субъективистские влияния, нашедшие отражение также в некоторых трудах историков. Получил распространение ошибочный немарксистский термин «период культа личности»".

Анализ этого действительно глубоко чуждого марксизму явления, сделанный Раскольниковым, конечно, принципиально расходился с такого рода «идейными» установками. Насаждение их, сдерживание критики чуждых марксизму явлений как раз и объясняет нынешний застой в общественных науках. Бюрократическая «элита» в науке и пропаганде опиралась, разумеется, на официальные документы партии. Но вполне оправданно возникает вопрос: «Можно ли в современных условиях признать достаточным и исчерпывающим постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»? Не кажется ли нам, что оно не вскрыло всей сущности этого явления? И не слишком ли поспешно мы объявили его преодоленным?» («Коммунист», 1987, № 7, с. 120).

Послесловие к реабилитации

Все те, кто знал Раскольникова по совместной революционной, партийной и государственной работе, историческим документам и литературе, с удовлетворением восприняли решение высших государственных и партийных органов о его реабилитации как советского гражданина и коммуниста. В виде сборника «На боевых постах» Воениздат переиздал его воспоминания «Кронштадт и Питер в 1917 году» и «Рассказы мичмана Ильина». Пионерский отряд в Гольянах получил имя Раскольникова. Приглашенная в СССР его вдова М. В. Раскольникова и дочь были радушно приняты в правлении Союза советских писателей, Военным советом Военно-Морского Флота, редакциями «Военно-исторического журнала» и «Огонька», моряками Балтики. Было решено перевезти прах героя на Родину и перезахоронить в Кронштадте. Окончившая Сорбонну дочь Раскольникова была принята на стажировку в Московский университет.

Но атмосфера всеобщего преклонения перед яркой фигурой возвращенного в строй героев Октября Ф. Ф.Раскольникова оказалась вдруг

отравленной выступлением С. П. Трапезникова на совещании заведующих кафедрами общественных наук московских вузов 5 сентября 1965 года. Говоря о «субъективистском налете» в оценках отдельных личностей, которые в преобразовательных процессах «подчас стояли на противоположных позициях», он сказал о Раскольникове:

«В идейном отношении он был всегда активным троцкистом. Будучи полномочным представителем Советской страны, он отказался вернуться на Родину, совершил тяжкий поступок, а именно предательство. Письмо, в котором он мотивировал отказ вернуться в СССР, он отправил в один из самых грязных органов белогвардейцев — в парижский журнал «Новая Россия», издаваемый перед войной под редакцией небезызвестного вам Керенского и сотрудничавшего с ним Милюкова, где это письмо было использовано широко в антисоветских целях накануне войны. Сбратавшись с белогвардейцами, фашистской мразью, этот отщепенец стал оплевывать все, что было добыто и утверждено потом и кровью советских людей, очернять великое знамя ленинизма и восхвалять троцкизм. Только безответственные люди могли дезертирство Раскольникова, его бегство из Советского Союза расценивать как подвиг».

Повторная расправа с Раскольниковым, теперь уже предпринятая посмертно, должна была послужить предметным уроком и назиданием всем тем, кто еще жил идеями совершавшейся после XX съезда перестройки, и сигналом для активизации тех, кого съезд «смертельно напугал» и в чьих интересах было, по словам профессора А. П. Бутенко в «Московской правде», «остановить процесс очищения общества от бюрократизма и других негативных явлений».

Какова же на самом деле была цена «обличений», выдвинутых Трапезниковым? Нужно прямо сказать, что они были рассчитаны на неосведомленность слушателей. Неверна прежде всего фактическая основа обвинения. Трапезников заявил, будто письмо Раскольникова было напечатано в журнале «Новая Россия». Но письмо, о котором он ведет речь, было напечатано не в «Новой России», а в «Последних новостях», Керенский и Милюков не сотрудничали в одном органе, а имели разные издания: Керенский издавал «Новую Россию», а Милюков — «Последние новости». Это, конечно, мелочь, но такой борец против «трубадуров буржуазной идеологии» и «апологетов буржуазии», каким старался зарекомендовать себя Трапезников, должен был эти «мелочи» знать. А далее видно, что он смешивает воедино заявление и письмо Раскольникова, напечатанные в разных органах, и не знает обстоятельств их опубликования.

Раскольников не посылал письма в какую-нибудь газету, а по существующему во Франции порядку сдал в агентство «Гавас», которое предоставляло информацию всем газетам на общих основаниях, так что опубликование их в «Новой России» и «Последних новостях» зависело не от выбора Раскольникова. Не зная всего этого и исходя только из факта, что письма были напечатаны в этих газетах, Трапезников облыж-

но приписал Раскольникову прямую связь с белогвардейцами и, очевидно, для усиления эмоций, договорился до его связи с «фашистской мразью». Увлекшись своими фантастическими обвинениями, он счел возможным наградить старого коммуниста, соратника Ленина, позорной кличкой «отщепенец».

Был ли Раскольников «всегда активным троцкистом», как уверял Трапезников? Сам Раскольников в письме Сталину от 17 августа 1939 года писал:

«Как Вам известно, я никогда не был троцкистом. Я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях. Я и сейчас не согласен с политической позицией Троцкого, с его программой и тактикой».

Может быть, Раскольников писал неправду и на это его заявление нельзя полагаться? Но вот свидетельство, скрепленное подписью Сталина,— справка, помещенная в 1-ом томе «Истории гражданской войны в СССР», который вышел в 1935 и 1936 годах под редакцией Сталина (а также С. М. Кирова, А. А. Жданова и других):

«Раскольников Ф. Ф. (р. 1892) — большевик, член партии с 1910 г. В период войны — офицер морского флота. После Февральской революции — заместитель председателя Кронштадтского Совета, руководитель большевистской организации в Кронштадте. После Октябрьской революции руководитель Каспийского флота, очистившего Каспийское море от белогвардейцев и англичан. В настоящее время — полпред СССР в Болгарии».

Здесь ни звука нет о каком-либо троцкизме Раскольникова, хотя в справках о других лицах в том же именном указателе обязательно отмечалось их участие в оппозициях. Раскольников являлся и одним из составителей этого тома, вышедшего под редакцией Сталина.

Говоря об этом, мы не обходим того, что во время дискуссии о профсоюзах, будучи командующим Балтийским флотом, он разделял взгляды оппозиции, однако быстро порвал с ними. Но этот факт не может служить хоть в какой-то мере оправданием для диаметрально противоположной оценки Раскольникова, ибо Ленин учил партию не бичевать коммунистов за исправленные ошибки. «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее,— писал он,— ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены». Точно так же, по-видимому, как не было надобности вспоминать ошибки Ф. Э. Дзержинского, М. В. Фрунзе, допущенные в период борьбы Ленина за Брестский мир. Наконец, с бóльшим основанием Трапезников мог приписать «троцкизм» Сталину, который 6 ноября 1918 года признал за Троцким «всю работу по организации [Октябрьского] восстания», утверждая, что «быстрым переходом гарнизона на сторону Со-

вета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому».

Другое обвинение Раскольникова — в «дезертирстве», «бегстве из Советского Союза» — имеет под собой у Трапезникова не больше оснований, чем предыдущие: эти обвинения были предъявлены ему в 1939 году, но отметены нашими высшими партийными и государственными органами при пересмотре «дела» Раскольникова и его реабилитации.

Что касается использования письма Раскольникова врагами, то они всегда манипулируют в своих целях документами, вскрывающими наши больные места. Точно так же они распространяли материалы партийных съездов, многие материалы печати, разоблачающие культ личности; их перепечатывали и по-своему комментировали не менее одиозные органы, чем газеты Керенского и Милюкова. Но никому в голову сегодня не приходит из факта перепечатки делать вывод о том, что авторы этих материалов «сбратались» с белогвардейцами и фашистами.

Ленин был совсем иного мнения в подобных случаях: «Мы не раз говорили, что все силы Советской власти покоятся на доверии и сознательном отношении рабочих... Мы нисколько не закрывали глаза на то, что всякое слово, которое будет здесь произнесено, будет перетолковываться, что к нашим признаниям будут прислушиваться агенты белогвардейцев,— но мы говорим: пусть! Мы гораздо больше пользы извлечем из прямой и открытой правды, потому что мы уверены, что если это и тяжелая правда, то, когда она ясно слышна, всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трудящийся крестьянин извлечет из нее единственный верный вывод».

* * *

20 лет, начиная с 1965 года, на имени Раскольникова снова висела клевета. Его имя вычеркивалось из текстов научных исследований и литературных произведений. Какой мерой измерить тот урон, который был нанесен всем этим воспитанию советских людей на революционных традициях?

Подходя к славному 70-летию Великого Октября, с еще бóльшим душевным подъемом воспринимаем призыв Центрального Комитета нашей партии: «В благодарной памяти советских людей вечно будут жить революционеры-ленинцы, сподвижники Ильича, которые заложили героические традиции большевизма и сквозь все невзгоды и испытания пронесли непоколебимую верность коммунистическим идеалам». Не померкнет среди этих подвижников коммунизма и имя героя революции Федора Федоровича Раскольникова.

Зиновий ШЕЙНИС

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ КОЛЛОНТАЙ

Среди многих уникальных документов, рассказывающих о жизни Александры Михайловны Коллонтай, есть и фотография, на которой запечатлены Коллонтай и Павел Ефимович Дыбенко. Снимок сделан в деревне у родителей Павла в 1919 году. На скамейке сидят родители Дыбенко. Отец — типичный казак в картузе с окладистой бородой, в казачьем кителе. Мать — в старинном головном уборе. Позади родителей, прислонившись головами друг к другу, — Павел и Александра, бывший матрос, первый министр по морским делам Советской России, и бывшая дворянка, дочь царского генерала Домонтовича, профессиональная революционерка, соратница Владимира Ильича Ленина и народный комиссар первого ленинского правительства Советской России....

В годы гражданской войны Александра Коллонтай по поручению Центрального Комитета партии большевиков выполняет ответственные поручения. Она комиссар пропаганды Украины, комиссар дивизии, которой командовал Павел Ефимович Дыбенко, и лектор агитпоездов. Она в самых горячих точках гражданской войны, где идет борьба против Деникина, Врангеля, Махно, белогвардейских банд.

Но ведь была и личная жизнь. Остались записки Александры Михайловны о том, как был оформлен ее гражданский брак с Павлом Ефимовичем Дыбенко в декабре 1918 года. Это был ее второй брак. А первый — с молодым офицером Владимиром Коллонтаем.

В 1891 году Шура Домонтович, дочь генерала Михаила Алексеевича Домонтовича, члена Военного совета русской армии, приближенного царя Александра II, а затем Александра III, приехала в Тифлис, там познакомилась со своим кузеном Владимиром Коллонтаем. И влюбилась. Родители и слышать не хотели о браке с сыном поляка, участника польского восстания 1863 года.

Родители под надзором старшей сестры отправили Шуру в Париж, надеялись, что любовный угар пройдет. Не прошел. Она настояла на своем. В 1893 году Шура Домонтович стала «мадам Коллонтай». Пять лет она прожила с Владимиром Коллонтаем. Не просто было женщине в двадцать шесть лет порвать с человеком, которого любила. Но они оказались разными людьми. Разными духовно. Он не мог ее понять, его высшим идеалом и целью была карьера генерала. Ее же позвала революционная Россия. Формально расторжение брака произошло много позже.

А потом весной 1917 года произошла встреча с матросом Павлом Дыбенко. Ее не раз спрашивали: «Как вы решились связать свою жизнь с человеком, который был на семнадцать лет моложе вас?»

— Мы молоды, пока нас любят! — ответила Коллонтай.

«Мы соединили свои судьбы первым гражданским браком в Советской России. Я и Павел решили так поступить на тот случай, если революция потерпит поражение, мы вместе взойдем на эшафот!.. Гражданское бракосочетание стало единственно законным, а формальности были простыми. Товарищ, который оказался на моем жизненном пути в те тревожные дни, был восхищен новым законом и настаивал на том, чтобы мы первыми воспользовались им. Я попыталась воспротивиться, ведь в мои планы не входило вторичное замужество. Но одно обстоятельство заставило меня уступить Павлу Ефимовичу. Шла гражданская война. Бои между Красной Армией и белогвардейцами на подступах к Петрограду... В те дни ожесточенных сражений между красными и белыми Павел Ефимович был в гуще событий на фронте, и я долго не имела о нем никаких сведений и очень беспокоилась. Ни в Адмиралтействе, ни в Смольном не знали о нем ничего.

Как-то ночью раздался звонок у двери, ведущей на черный ход. Я решила, что мне прислали срочную телеграмму, бросилась к двери и сразу же очутилась в объятиях Павла. С фронта он вернулся живым и невредимым. Но мы тогда поняли, что враги Советской России сильнее, чем нам хотелось бы это признать, что всякое может случиться. Если же мы поженимся, то до последнего вздоха будем вместе.

Я не намеревалась легализовать наши отношения, но аргументы Павла поколебали меня. Важен был и моральный престиж народных комиссаров. Гражданский брак положил бы конец всем перешептываниям и улыбкам за нашими спинами. Но я знала, что служащие Народного комиссариата государственного призрения всякое болтали о нас.

Моя подруга Зоя была решительно против моего замужества.

— Ты действительно хочешь пожертвовать свободой ради него? — спрашивала она. — Ты, которая всю жизнь отстаивала точку зрения, что брак препятствует свободе женщины?

Мой сын, который тогда учился в Высшей технической школе, поддержал Зою.

— Ты должна оставаться Коллонтай и никем иным, — сказал он. — Ты всегда утверждала, что тебя не беспокоят сплетни людей. Главное в том, чтобы ты сама была уверена, что поступаешь правильно.

Но мой друг Дыбенко продолжал настаивать.

— Я знаю, — сказал он, — почему ты не желаешь выйти за меня замуж. Ведь я крестьянский сын, а ты дворянка.

Это был глупый аргумент, но он поколебал меня.

— Ну что же, — сказала я, — давай распишемся.

Когда же мы поставили свои подписи, мы забыли об остальных формальностях, — так мало у нас тогда было времени для личных дел. Документ о нашем гражданском браке был утерян...»

Не всегда дарила им судьба светлые дни встреч. И тогда он писал ей письма, полные тоски, как это вот, например, отправленное с Южного фронта:

«Милый, дорогой мой верный друг!

Среди бушующей степи, среди бурной жизни, бывают минуты, когда... (слова неразборчивы.— прим. З. Ш.). И в эти минуты как близко, как тепло чувствовать, что ты не один, у тебя есть кто-то близкий, родной...»

Дыбенко пользовался любой возможностью, чтобы послать Александре Михайловне весточку с фронта, знал, что она живет подчас впроголодь. И он шлет ей в редкие минуты затишья между боями записку:

«Шура, милая! Тебе посылаются продукты, которыми ты поделишься с голодающими товарищами...

Твой друг Павел».

Дыбенко находил ее всюду, советовался с ней, просил помощи.

Из письма, отправленного Дыбенко с Украины весной 1919 года:

«Милый, дорогой мой верный единственный друг! Я обращаюсь к тебе с просьбой. Я посылаю с двумя красноармейцами документы, захваченные моими агентами. Документы — это вся канцелярия по формированию Южной армии. Среди всех этих документов не указана одна фамилия из генералов, который находится на службе в Советской России в военном ведомстве. Он одновременно служит в Южной армии...» Этот сложный узел был вскоре распутан с помощью Александры Михайловны.

О той поре — среди многих, записанных на обрывках бумаги ею лично или близкими друзьями — осталось свидетельство актрисы Веры Юреневой. В судьбе этой женщины Коллонтай принимала близкое участие.

Холодная, тревожная зима 1919 года. Голод, тиф. Юденич идет на Петроград, интервенты терзают молодую Россию. А в Москве готовится к постановке пьеса Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»).

В те дни Коллонтай с фронта приехала в Москву. Заехала к себе «домой», в первый Дом Советов.

Только приехала, как раздался звонок Юреневой:

— Шура, сегодня в театре премьера...

— Не может быть.

— Шурочка. Это правда... Представляешь себе, «Овечий источник». Идем?

— Обязательно идем... Только в чем? Что ты наденешь?

Она всегда оставалась такой, какой была всегда:

— Вера, какое платье ты наденешь? Ах так, я, пожалуй, бордовое... ты знаешь, то, с длинными рукавами...

Разговор по телефону затянулся. Обсуждали подробно шляпки, туфли. В это время в трубке послышался незнакомый мужской голос. Александра Михайловна, недовольная вторжением, энергично высказала свое возмущение. И тут она неожиданно услышала еще один голос, который узнала сразу же.

— Извините великодушно, Александра Михайловна... Это Ленин говорит. Мне необходимо обсудить с вами один вопрос...

На следующий день, после спектакля, где видели Коллонтай, как всегда, элегантной и красивой, она снова уехала на фронт...

...Пять лет провела она с любимым человеком. Летом 1921-го, после ее разрыва с Дыбенко, Коллонтай вызывают в Москву, и она получает предложение заняться дипломатической деятельностью. Сначала предполагалось послать ее в Канаду. Советское правительство запросило в Оттаве агреман. Оттуда пришел отказ: там помнили о поездке Александры Михайловны по США в годы мировой войны, ее страстные выступления против мировой бойни.

Тогда агреман был запрошен у норвежского правительства. Ответ пришел быстро: королевское правительство Норвегии согласно принять Александру Коллонтай. Начался 30-летний путь ее дипломатической деятельности.

В ноябре 1922 года она прибыла в эту страну. Тогда она еще не была полпредом, а советником полпредства. «Всего в полпредстве двенадцать сотрудников,— рассказывала позже Коллонтай.— Из них семь женщин и пять мужчин. Устроились так — у нас общий котел, вносим определенную сумму, есть повариха, и она кормит всех 12 человек. Живем мы дружно, и все представляем одну большую товарищескую семью».

Сотрудники были молодые, почти все прошли гражданскую войну, боролись с разрухой. В дневниковых записях Коллонтай рассказала о своем стиле работы. «Как я работаю... Как полпред. Порядок вокруг. Добросовестность в исполнении дел. Стараюсь сбывать мелкие дела ежедневно, не откладывая. Не откладывать, встречаться, отвечать на вопросы. Более стратег (в дипломатии), чем тактик... задачи любила большие, трудные, иначе завядала и скучала. Но никогда не пренебрегала мелочами. Слово «разносить», слово «напыщенность» не мои. Разносторонность интересов мешала иногда, отвлекала от текущих дел, но и служила отдыхом».

Уже в конце 1923 года Коллонтай смогла констатировать, что экономические связи с Норвегией стали шире и значительнее. Об этом она дала интервью корреспонденту датской газеты «Политикен» Анкеру. Анкер представил Коллонтай читателям весьма красочно: «Между всеми посланниками, которых Советское правительство послало по всему свету, Александра Коллонтай, без сомнения, самая интересная и не только по своей красоте... или своим знанием языков, позволяющим ей агитировать за коммунизм на четырех языках... Но что дает Александре Коллонтай особое положение, так это то, что после революции она была назначена первым в истории женщиной-министром, а затем первым послом. И вот целый год она находится в качестве полномочного предста-

вителя в Христиании и продает рожь и покупает селедку на много миллионов. Вчера она была на Кронпринцессгаде в доме русской делегации — грациозно и элегантно одета...»

В 1924 году между Норвегией и нашей страной были установлены полные дипломатические отношения и Коллонтай назначена полпредом.

Через два года она покинула Норвегию и была назначена полпредом в Мексику. Затем спустя год она вновь возвращается в Норвегию (на отъезд повлиял плохо переносимый ею высокогорный климат) и, пробыв там полпредом по 1930 год, попадает в Швецию, где работает полпредом долгих пятнадцать лет!

...В Стокгольме среди писем, которые получала Коллонтай, оказалось и одно, напоминавшее о далеком прошлом. Она не сразу вспомнила автора. Вершинин? Неужели Николай Семенович Волосович-Вершинин? Она вертела в руках конверт. Это в каком году было? Ну, конечно, в девятьсот девятнадцатом... Деникин наступал с юга на Украину. Надо было во что бы то ни стало спасти ценности, которые хранились в сейфе в Севастополе, и переправить в Киев.

Она, тогда народный комиссар агитации и пропаганды Украины, остановила свой выбор на Вершинине. Поручив тайно вывезти сейф с драгоценностями, Коллонтай дала ему доверенность, и Вершинин отправился через степи и города в путь нелегкий и сумел добраться до Киева. Потом они встретились в Киеве, и она без громких слов просто сказала: «Спасибо, товарищ Вершинин!»

Александра Михайловна открыла конверт. В нем была пожелтевшая доверенность с ее подписью. В письме Николай Вершинин сообщал:

«В январе 20-го года, в тяжелое, голодное для Москвы время приехал я с подарками от т. Буденного московским детям и ВЦИКу, но узнав, что Вы в Москве, притащил на 5 этаж на плечах мешок пшеничной муки к Вам в номер гостиницы. Муку оставил у Вас, какой-то женщине, а Вас не видел, не было Вас. Хотелось тогда, помню, передать Вам два-три слова искреннего привета, сказать, что мы в 1-й Конной выполнили то, о чем Вы так горячо говорили тогда на летучем митинге под Киевом на Днепре».

Этот мешок с мукой! Помнится, у нее гостила сестра Павла. Ей Вершинин передал тот мешок. А Павел сражался со своей дивизией против Врангеля... Коллонтай, заведующая Отделом ЦК РКП большевиков, не раздеваясь, подхватила тяжелый мешок и вместе с сестрой Павла дотащила по улицам до детского дома. Заведующая детдомом расплакалась от счастья. Мешок пшеничной муки! Целую неделю дети вдоволь будут есть хлеб. Белый хлеб! Подарок Первой Конной.

Она медленно перечитывала письмо, и перед глазами вставали картины прошлого. Павел Ефимович Дыбенко тяжело переживал разлуку с Коллонтай, и с разрешения правительства он приезжал к Александре

Михайловне в Норвегию. Их переписка продолжалась до последних дней жизни Дыбенко.

Секретарь нарушила молчание:

— Александра Михайловна, я напоминаю о приглашении на прием в королевский дворец!

Подали карету. Она отправилась во дворец на ежегодный обед, который король Густав устраивал для дипломатического корпуса. Главы посольств собрались в зале, где король обычно принимал гостей за трапезой. Коллонтай, как вице-дуайен дипломатического корпуса, стояла в первом ряду рядом с дуайеном.

Илья МАЗУРУК

ШТУРМ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА: КАК ЭТО БЫЛО

Четырехмоторный флагманский самолет экспедиции пилотировали Герой Советского Союза М. В. Водопьянов и полярный летчик М. С. Бабушкин. Посадка на дрейфующую льдину — такого еще не было. Вслед за первым сели еще три самолета: Героя Советского Союза В. С. Молокова, летчика А. Д. Алексеева и мой. Тридцать четыре человека — полярные исследователи, авиаторы, ученые и специалисты во главе с академиком О. Ю. Шмидтом. В обсерватории «Северный полюс-1» остались начальник И. Д. Папанин, гидробиолог П. П. Ширшов, магнитолог и астроном Е. К. Федоров и радист Э. Т. Кренкель. Экспедиция положила начало новой главе науки о Земле.

Работа героической четверки папанинцев на полюсе — это огромный вклад в науку. За 274 дня льдина со станцией прошла с учетом дрейфа около двух с половиной тысяч километров. На всем пути велись наблюдения по обширной программе. Они передавались на Большую землю по радио, их использовали служба погоды, мореплаватели и летчики. А летом 1937 года станция «Северный полюс-1» помогла экипажам В. П. Чкалова и М. М. Громова осуществить перелеты через Северный полюс в США.

Пятьдесят лет назад перелет из Москвы на Северный полюс был чрезвычайно рискованным делом. Был даже предусмотрен парашютный десант для подготовки посадочной полосы, но он не понадобился. Впервые на «полюсных» самолетах были применены тормозные парашюты — теперь ими широко пользуется реактивная авиация. Все ли знают, что самолеты экспедиции не имели антиобледенителей и отопления, автопилотов и убирающихся шасси? Ограниченный запас горючего не позволял обходить районы плохой погоды. Метод полета был визуальным;

обледенение представляло большую опасность. Почти весь маршрут полета до полюса проходил без точных карт и магнитных отклонений, при скудной информации о погоде, при отсутствии наземного обеспечения — только на о. Рудольфа были техники и радиомаяк. После многочасового изнурительного полета в холодном самолете экипажи сами выполняли все тяжелые работы: заправляли самолеты из многочисленных бочек ручным насосом, очищали гофрированную поверхность машин ото льда и снега, подогревали и запускали моторы... Требовались полная отдача сил и виртуозное мастерство.

...Утром 7 июня 1937 года наши самолеты отправились в обратный путь. Мне, командиру одного из воздушных кораблей, хорошо запомнилось, как это было. Кроме всего прочего, успех экспедиции зависел от людей, от нас. В коллективе были хорошо подготовленные полярные исследователи, авиаторы, специалисты. Определяющим было и то, что руководство взял в свои руки академик Отто Юльевич Шмидт. Были у нас и свои корифеи: Марк Иванович Шевелев, многолетний руководитель Полярной авиации, Иван Дмитриевич Папанин, большой патриот, старый коммунист, опытный полярник, Михаил Васильевич Водопьянов, командир флагманского самолета.

Изучив опыт своей работы в Арктике, а также причины неудач прежних экспедиций, Папанин умело обеспечил «свою» станцию.

На о. Рудольфа ждали погоду — томительное ожидание. Весна ставила под угрозу успех экспедиции. Михаил Водопьянов рискнул лететь в одиночку до Северного полюса, несмотря на то, что было известно о неважном состоянии льда. Его характер и мастерство привели к успеху всей экспедиции! Он достиг Северного полюса и посадил самолет на хорошую льдину. За ним прилетели и мы. Помню, как трудно было мне: повредил перед вылетом ногу. Не было у меня на тренировочном Н-169 штатного радиста. Незнакомый мне экипаж создавал в самом начале трудности, вторым пилотом оказался парашютист Я. Мошковский, немного умевший летать на маленьком самолете У-2. Со штурманом В. Аккуратовым тоже познакомился уже в самолете перед вылетом, а до того не общались. Так же было с бортмехаником Д. Шекуровым и Д. Тимофеевым. Но в пути до полюса все проявили себя отлично. Особенно второй пилот М. Козлов, заменивший на острове Рудольфа Я. Мошковского, и механик Д. Шекуров.

25 мая сбылась наша мечта — пролетели над Северным полюсом! Нашли подходящую льдину и сели. Вокруг — никого. Но базовая льдина где-то близко. Десять долгих суток мы сидели рядом с полюсом, мучились с радиосвязью и решали загадку: куда лететь и как искать экспедицию — кругом юг! Все меридианы в куче... Показания компаса непонятные, радиополукомпас без надежной связи бесполезный. Наконец штурман примерно определил направление до базовой льдины, и я по даль-

невосточному опыту изготовил на бумаге шпаргалку — схему поиска методом «коробочка». Шпаргалку прикрепил на приборной доске. Но перед взлетом штурман «сразил» меня, сказав, что, может быть, более правильный курс на 180° от рассчитанного. Минутное замешательство... И я повел самолет по первой разработке курса. Минут через двадцать чуть было не пролетели мимо цели, но услышали из репродуктора: «Поверните влево, затем еще влево». И мы у цели. Нас обнаружил кинооператор М. Трояновский! Отличная посадка — наконец-то все четыре самолета, люди и грузы на месте.

Наша десятидневная задержка сильно волновала всю экспедицию и Москву. Наступило лето, а главное, задерживалось официальное открытие обсерватории «Северный полюс»! Срывали мы и начало плановых научных работ — немало оборудования было именно на нашем самолете... Ну, а теперь все было позади. Быстрая разгрузка. По решению О. Ю. Шмидта часть бензина с моего самолета и самолета Алексеева передали Водопьянову и Молокову — для гарантированного возвращения. А мне и Алексееву предстояло сесть, когда кончится запас бензина, на неведомую льдину где-то на полпути до о. Рудольфа. Механики поделили бензин, мы горячо попрощались с папанинцами и поднялись в воздух. Летим над облаками, подбираем наивыгоднейший режим работы моторов, изредка выключаем какой-нибудь один из четырех двигателей. Скоро нырять, искать неведомую льдину. Рискованно посадить самолет на плохой лед — сколько потом еще придется ждать, пока нам привезет бензин двухмоторный самолет П. Головина?..

Штурман и механик рассчитали, что остатков бензина в баках нам может хватить до... о. Рудольфа — в обрез! Помог попутный ветер. Мы уже снижаемся за самолетом Алексеева в облаках. Тут я посадку запрашиваю и сразу же получаю разрешение лететь до самого Рудольфа в одиночку. Летим на остатках бензина над морем — почти над чистой водой. Напряжение у всех предельное. Второй пилот М. Козлов не выдерживает, кричит: «Ты с ума сошел! Утонем! Почему не сел, как Алексеев?..»

Долетели! И с ходу сели на ближайший ледник о. Рудольфа. Моторы остановились. Бензин кончился. На базу нас тащил трактор. М. Козлов в экстазе целовал землю. Точнее, ледяную твердь...

Вскоре все экспедиционные самолеты улетели домой, героев торжественно встречала Москва. Мой самолет Н-169 с экипажем оставили дежурить на Рудольфе. Долгие месяцы оберегали мы папанинцев, жили в постоянной готовности: «К вылету!» И мы были счастливы.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Итенберг. Александр Ульянов 3
Михаил Булгаков. Часы жизни и смерти 7
Осип Мандельштам. Прибой у гроба 9
Дмитрий Фурманов. Чапаев 10
Николай Быков. По праву памяти 14
Василий Поликарпов. Федор Раскольников 22
Зиновий Шейнис. Новые страницы из жизни Коллонтай 40
Илья Мазурук. Штурм Северного полюса: как это было 45

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Очерки

Редактор-составитель Л. М. Наточанная

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 05.08.87. Подписано к печати 14.10.87. А 00444.
Формат 70 × 108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,16. Усл. кр.-отт. 2,28.
Тираж 80 000. Изд. № 2396. Зак. № 1110. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена 10 коп. Индекс 70668

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!